

Перевод с башкирского

Уфа
Башкирское книжное издательство
1986

Мифтахетдин АКМУЛЛА

стихи

Уфа
Башкирское книжное издательство
1986

Акмулла Мифтахетдин

А 40 Стихи. Перевод с башкирского. — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1986. — 160 с.

Мифтахетдин Акмулла — выдающийся поэт и просветитель XIX века.

Стихи Акмуллы пользовались большой популярностью, передавались из уст в уста не только в Башкирии, но и среди казахов, татар и тюркоязычных народов.

Издание переводов на русском языке осуществляется впервые.

А 4702110000—1
М 121(03)—86 101—86

83.3 Баш

ФЕНОМЕН АКМУЛЛЫ

Жизнь и творчество Мифтахетдина Акмуллы, выдающегося башкирского поэта-просветителя XIX века, — нечто больше, чем судьба одной конкретно-исторической личности, пусть даже гениально одаренной. Это — эпохальное в общественно-социальном смысле явление, которое оставило заметный след в духовной жизни сразу нескольких народов (а точнее было бы сказать — почти всех тюркских народов, населявших пределы Российского государства). Даже те народы Средней Азии, на земле которых Акмулле никогда не приходилось бывать, считают его близким себе поэтом и мудрецом. И в этом смысле явление это с полным правом можно обозначить как «феномен Акмуллы».

Откуда же взялся этот феномен? На какой почве и почему возник?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо не только знать творчество поэта, его личную биографию, но и иметь представление об эпохе, в которой он жил и творил, ощутить атмосферу, которой дышал.

Профессор А. И. Харисов, много сделавший для изучения творчества и биографии Акмуллы, назвал его первым башкирским поэтом после Салавата Юлаева, который до конца проникся болью и духом своего народа и обратился к нему с проникновенными словами: «Мои башкиры!»

Крестьянская война 1773—1775 годов была еще одним могучим порывом башкирского народа, который

вместе с обездоленными русскими братьями, казалось, выплеснул все свои силы в борьбе против царского самодержавия. Но у него и после жесточайшего подавления восстания хватило сил отправить на войну с Наполеоном около тридцати конных полков, которые в ходе сражений показали удивительные ратные подвиги. После этого наступила долгая трагическая полоса, которая представляла собой не что иное, как постепенное вымирание некогда многочисленного процветающего народа. Колониальная политика царизма достигла чудовищных размеров, лучшие земли башкир были захвачены и заселены пришлыми людьми, роскошные леса безжалостно вырубались, и на тех местах строились все новые и новые заводы. Коренные жители не только умирали от голода и холода, не только лишены были всяких прав и возможностей для человеческого существования, но и подавлены духовно и физически; всякие песни и сказы о прошлых временах, о любимых батырах и сэсэнах запрещались под угрозой смерти. Народная память вышивалась плетями и шомполами, вымораживалась в мертвых просторах сибирской каторги.

С другой стороны, быстрое развитие капиталистических отношений дало толчок для зарождения и развития собственной национальной буржуазии, которая ничуть не уступала общероссийской буржуазии в смысле хищнической эксплуатации народа. Но оно же дало толчок для развития национального самосознания, просвещения и литературы. В медресе свое достойное место стали завоевывать светские дисциплины. В частности, в таких известных учебных заведениях, как Троицкое, Оренбургское, Стерлибашевское, позднее — уфимское медресе «Галия». Были люди, все силы отдавшие этому делу, среди которых прежде всего следует назвать таких, как Мирсалих Биксурин, Салихьян Кукляшев, Мухаметсалим Уметбаев, Ризаитдин Фахретдинов..

Все они были широко образованными людьми, знали несколько языков. И, конечно, каждый из них сделал немало для культурного развития своего народа.

Мифтахетдин Акмулла плохо вписывается в эту когорту, хоть мы и причисляем его к крупнейшим просветителям XIX века. Он стоит особняком и в смысле социального положения, и сферы своей деятельности, и, не побоимся сказать, по величине своего таланта. Никто не был так близок к народу, как Акмулла, нерасторжим от него, слит с ним воедино. Это был истинно народный сэсэн — поэт-импровизатор, мудрец, наставник. И в то же время его нельзя ставить в один ряд с другими известнейшими сэсэнами, такими, например, как Кубагуш-сэсэн, Байк-Айдар-сэсэн и др. Дело в том, что Акмулла тоже был всесторонне образованным человеком, познавшим многие науки, владеющим арабским и персидским языками: это был философ, имеющий свою законченную концепцию жизни, свои твердо установившиеся взгляды на многие стороны общественного бытия. И это делало его духовным отцом нации, и, как было сказано выше, не только своей, но и других, близких по языку, вере и обычаям.

Акмулла прожил яркую, легендарную жизнь поэта-труженика, поэта-борца. Его жизненный и творческий путь — это прекрасный пример беззаветного служения народу, служения общественному прогрессу.

На основе новейших исследований ученых-литературоведов республики, опираясь на архивные документы, установлено, что Мифтахетдин Камалетдинович Камалетдинов, впоследствии прозванный народом Акмуллой (чистым, правдивым учителем), родился 14 (по новому стилю — 27 декабря) 1831 года в башкирской деревне Туксанбаево бывшей Куль-иль-минской волости Белебеевского уезда Оренбургской губернии, в состав которой входила тогда Башкирия, в семье будущего

муллы Камалетдина Ишкужина (ныне деревня Туксанбаево относится к колхозу «Башкортостан» Миякинско-го района Башкирской АССР). Мифтахетдин был пер-венцем в семье, но дом, в котором он родился и вы-рос, представлял собой большую патриархальную семью во главе с дедом, указным муллой Мухтасипом Ишку-жой Ишбулдиным. Здесь под одним кровом жили сы-новья со своими женами, дочери, внуки и внучки Иш-кужи; число родных и двоюродных братьев и сестер Мифтахетдина доходило в одно время до 15-ти человек. Понятно, что в этих условиях нелегко было отцу и деду сводить концы с концами, тем более — дать обра-зование и поставить на ноги каждого из детей и внуков.

Нелегко сложилась и жизнь любознательного, спо-собного, жадного к знаниям мальчика Мифтахетдина. Начальное образование он получил в своей родной де-ревне и в медресе муллы Лукмана в одной из соседних деревень. Учился в селах Менеузтамак и Асяново. Не-которое время был шакирдом известного в те времена далеко за пределами Южного Урала медресе в селе Стерлибашево, что в 75-ти километрах от деревни Тук-санбаево. Здесь он под влиянием поэта суфийского тол-ка Шамсетдина Заки пристрастился к поэзии. Каникулы свои проводил Мифтахетдин в отцовском доме, помо-гая родителям по хозяйству. Вскоре юноша отправляет-ся в Оренбург, а оттуда в далекое Зауралье, становится шакирдом медресе в городе Троицке. Там Мифтахетдин продолжает свою учебу и сам начинает учительство-вать, выезжая в летнее время в казахские степи. Да и в дальнейшем в течение многих лет, скитаясь по Баш-кирии и Казахстану, свои силы и знания отдает поэт благородному делу народного образования. В эти же годы Мифтахетдин обнаруживает в себе способности к ремеслу, и труд столяра, плотника, лудильщика, порт-ного, труд мастера на все руки становится также лю-бимым его занятием.

Через многие годы вернулся Мифтахетдин в родное Туксанбаево. Но не суждено было ему осесть в отцовском доме. Он много повидал, живя вдали, многого достиг путем самообразования. Все эти годы явились для него своеобразной школой жизни, школой становления беспокойного его характера. И, видно, Камалетдин-хазрет не в состоянии был понять бунтарской природы своего сына, окрыленность его мыслей. При этом, оставаясь дома, молодой Мифтахетдин, как это полагалось в период кантонного управления Башкирией, должен был отбывать службу в составе башкирского казачьего войска. В эти годы лишился он родной матери, и в дом пришла мачеха.

С обидой на отца, взяв в его отсутствие доброго коня и телегу, Мифтахетдин уехал из родного дома. После этого его часто видели на юге Башкирии... Оттуда его снова потянуло в просторы Зауралья. Мифтахетдин на своей знаменитой телеге, в специальных отсеках которой хранились книги и рукописи, столярные и прочие инструменты, скитается по башкирским аулам верховьев Урала, Агидели, долины реки Миасс, а также в степях Казахстана. Весной и летом, переезжая из аула в аул, с яйляу на яйляу, на сабантуях он состязался с известными сэсэнами в искусстве поэтической импровизации, читал свои стихи перед народом.

Еще в годы обучения в медресе Мифтахетдин зачитывался в оригинале произведениями поэтической классики и философскими трактатами Востока. Глубокий интерес проявлял он к русскому языку и к передовой русской культуре. И, вобрав в себя все богатства башкирской устной и письменной поэзии, усвоив ее многовековые традиции, а уже в зрелые годы приобщаясь к творчеству казахских народных акынов, Мифтахетдин выработал в себе черты поэта и мыслителя, синтезировавшего в своей творческой практике достижения философской мысли и культуры Востока и Запада, высту-

пал как поэт-новатор, поэт-гуманист, выразивший в своих стихах наиболее прогрессивные идеи и взгляды той эпохи.

Мифтахетдин Акмулла как никто другой понимал душу бедняка, его нужды и чаяния, его потребность в участии и сочувствии со стороны других. И он неизменно нес беднякам тепло и сострадание своего великого сердца, правду своих убеждений. Его душа была исполнена болью и страданиями простых людей, и столь же жгучей ненавистью к миру богатеев, биев, тарханов, с которыми ему тоже приходилось постоянно сталкиваться. Один из них — казахский бай Батуч Исянгильдин оклеветал его самым безжалостным образом и на четыре долгих года засадил в Троицкую тюрьму. Но и в застенках столь известного своими жестокостями заведения Акмулла сохранил крепость духа и создал множество широко известных произведений.

Мир богачей отвечал Акмулле той же мерой ненависти, пока, наконец, не рассчитался самым безжалостным образом: Акмулла был убит по пути из Миасса в Уфу наемными убийцами...

Одна из привлекательнейших граней философских воззрений Акмуллы — его представление о человеке настоящим, или, как мы теперь говорим, положительном. Тогда этот вопрос приобрел исключительное значение. Каким должен быть человек, лишенный возможности с оружием в руках бороться за свою свободу, брошенный на дно жизни — перед десятком и сотней трудно преодолимых преград? Одним словом, какими качествами должен обладать сородич в невыносимых условиях той жизни, какой она стала для башкирского народа в XIX веке?

Подробный ответ на этот сакраментальный вопрос Акмулла дает в своем большом стихотворении «Наси-

хаттар» («Наставления»). В нем Акмулла буквально по пальцам перечисляет качества, которыми должен обладать человек истинный. Характерно, что он не называет самые броские, общепринятые определения, по которым судили силу и храбрость батыра, отвагу воина, красоту девушки и т. д. Нет, он обращается к качествам глубоко этического порядка, которыми может и должен обладать каждый человек, независимо от своего физического совершенства и общественного ранга. На первое место Акмулла ставит совесть, на второе — добропорядочность, честь, на третье — разум; на четвертое — благодарность, то есть умение быть благодарным всему и всем за добро, внимание, чуткость, в том числе, и самой природе, породившей и взлелеявшей тебя (это — и от древнебашкирского стихийного пантеизма, века тотемов); на пятом месте у Акмуллы — терпение, ибо только терпеливый человек может достичь поставленной цели, преодолеть все тернии и преграды судьбы...

Все это — несомненное откровение, целая революция в поэтике и, если хотите, в моральных устоях башкирского общества! Ведь еще современники Акмуллы, народные сзэны и писатели, продолжали восхвалять совершенно иные добродетели — мужскую удачу, жестокость к врагу на поле битвы, сноровку в похищении девушки. А тут — совесть, доброта!..

Мифтахетдин пришел в литературу, которая прошла к тому времени интересный, своеобразный и сложный путь развития. Основные черты башкирской поэзии на протяжении нескольких веков были обусловлены прежде всего народно-освободительной борьбой башкир. Однако после Салавата Юлаева, в результате жестокого подавления Крестьянской войны 1773—1775 годов, башкирская поэзия вплоть до Акмуллы переживала большие трудности в своем развитии. (Тогда, в течение всей первой половины XIX века, во все сферы духовной

жизни народа активно проникают идеи суфизма и мистики). Акмулла первым из своих современников прорывает пелену тумана, которым окутывали сознание людей служители мусульманской религии и, продолжив реалистические традиции башкирской поэзии в новых исторических условиях, со всей силой своего таланта устремляется к новым вершинам поэтического творчества.

Но Акмулла был бы просто холодным прорицателем, если бы не обрушивался со всей страстью своей кипучей натуры на недуги и пороки современного ему общества, отстаивая свои человеческие идеалы и духовные ценности. С желчной конкретностью и беспощадной откровенностью называет он эти пороки, и вольно или невольно весь гнев, вся разящая сила его сатиры обрушивается на власть имущих. Тем самым он подводит своих читателей (а чаще всего слушателей) к мысли, что воплощением язв общества являются именно те, кого называют сильными мира сего. Но не щадит он и людей простого происхождения, когда видит в них леность, тупое примирение со своим положением, нежелание приобщать своих детей к грамоте и культуре. Для того чтобы идеи просвещения и разума нашли свое осуществление, считал Акмулла, нужно изживать из себя невежество, тупость, слепую веру в шариат. И тут он действительно безжалостен. Он не делает различий в тех, к кому обращает сатирическое жало своих разоблачений, нередко уходя в абсолютную абстракцию. И его можно понять. Безотчетная покорность, добровольное приятие законов религии и родовых обычаев — все это вызывает и досаду, и раздражение, и даже отчаяние, и он порою бывает несправедливо жесток и безжалостен (в особенности в названных выше «Наставлениях»). И разве одному Акмулле было присуще такое? Вспомните знаменитое некрасовское «Люди холопского звания сущие псы иногда...»

Акмулла стремился очистить место для света и добра в духовном мире людей:

О нутре ты сначала своим беспокойся,
Чтоб не вонь шла оттуда — сияло бы солнце!
Пусть душа будет чистой. Стремись к очищенью.
Нет без этого пользы в твоём просвещеньи.

(Перевод Г. Шафикова)

Но, призывая к знаниям, он в то же время резко выступает против верхоглядства и снобизма:

Вы знаете ль, кто истинный мулла?
В чем святость, что нам письменность дала?
Иль вы, как Юзикаев, из башкир,
Прославлены уже на целый мир?
Иль не лишась богатств, не укротивши спесь
И жадность не уняв, хотите в рай пролезть?
О, не спешите братья! Внемлите лучше мне:
Я выстрадал боль слова на жизненном огне.
Достойными сначала надо быть
Народа своего. Народу лишь служить.

(Перевод Г. Шафикова)

Таким образом, совершенство человека в современную ему эпоху (и, тем более, в будущем) Акмулла видит в просвещении, духовном развитии, умении трезво и здраво воспринимать события и явления жизни, историческую диалектику нации, будущее благополучие народа. И, убеждая в необходимости грамоты и просвещения, он становится проникновенным агитатором, голос его звучит отечески наставительно:

Башкиры, всем нам нужно просвещение!
Невежд немало, редкость — обученье.
Страшней медведя-шатуна незнание.
Усилим, братья, к знанию влечение!

(Перевод М. Гафурова)

Совершенно не случайно, что сын муллы Камалетдина Мифтахетдин с отроческого возраста стал глашата-

ем простых, угнетенных людей, рупором их дум и надежд. Именно он одним из первых поднял голос против насилия и гнета, против порабощения человеческого духа и достоинства. Его стихи — кровоточащая рана, болящая совесть народа, душераздирающий крик его гнева и отчаяния.

Обделенный вниманием родителей, Мифтахетдин рос среди детей бедняков, познавая тяготы повседневной работы и цену заработанного хлеба. Он в совершенстве овладел ремеслом плотника и, не стань он поэтом, мог бы безбедно жить за счет рубанка и топора. Опять же в силу семейного положения он мог вдоволь лицезреть людей отцовского круга, постигать лукавство и лицемерие представителей культа, истинную цену их «святости». Вот почему в нападках на служителей шариата он был точен, бил без промаха — прямо в цель. Именно это приводило в бешенство слуг ислама, под травлей которых всю жизнь пребывал Акмулла.

Его постоянная скитальческая жизнь — это постоянная борьба за существование, иногда сопряженная со смертельным риском. Тысячи верст по родной башкирской земле и немеряным солончаковым степям Казахстана. Десятки, а может быть, сотни поэтических дуэлей, бескомпромиссных словесных поединков с башкирскими и казахскими бардами — сэсэнами и акынами. Восторженный прием простых людей; нескончаемая смена местопребывания, переходы, переезды... И повсюду — проповедь знаний, добра, человечности; страстная отповедь носителям зла и невежества. Язык Акмуллы меток, точен, метафоричен. Его прямота сокрушает и воодушевляет. Он сам признает только честность в отношениях и выражениях.

Акмулла резко выступает против ретроградов школьного обучения, ратующих за телесное наказание, слепую зубрежку, фанатическую веру в иноземные талмуды; призывает к чуткому и внимательному отноше-

нию к детям, к простоте и доступности предмета. И в этом смысле выступает не просто как просветитель, но и как педагог, разрабатывающий принципы и, если хотите, методику преподавания общедоступных дисциплин. Разве не об этом свидетельствуют такие строки:

Не шарахайтесь прочь от ученых людей,
В них — потребность великая ваша.
Воздавайте им должное! Только злодей
И глупец им на двери укажет.
Муллы! Палки отбросьте свои и хлысты,
Будьте с детской душой осторожны.
От серьезных наук не бегите в кусты,
Все другое — и пусто, и ложно.
Ничего нет грустнее невежества мулл,
Пустозвонов под тогой ученых.
Будьте бдительны, дабы никто не задул
Детский разум, мечтой увлеченный!
(Перевод Г. Шафикова)

Знакомясь со стихотворениями Акмуллы — а они, как правило, велики по размеру и многомерны по мысли — постигаешь его воззрения на жизнь, воспитание, мораль, этику и эстетику, которые несомненно отразили не только личные позиции Акмуллы, но и позиции самых передовых людей его времени; эти позиции, может быть, именно в его стихах нашли самое совершенное и законченное выражение. Вот почему творчество этого поэта имеет столь широкое общественно-политическое значение и звучание. Строки его щедро начинены мыслью, которая передана в образной, ярко-метафорической манере, и потому часто звучат, как законченные афоризмы. Акмулла любит давать советы, назидания, наставления. Но они у него никогда не приобретают характер высокомерного поучительства — они учат и помогают; это — советы доброго друга.

Говорят, коль выбрал русского в друзья,
Путь твой правильный... И, видимо, не зря

Те у русских ищут милость и приют,
С кем неправеден и лют бывал тура*.

Не беда, хоть заблудился — лишь бы шел своим путем,
Лишь бы за свои ошибки не винил других потом.
А начнешь валить на прочих то, в чем по уши виновен,
Гнев людской тебя достанет справедливым острием.

Дурного и слабого знак —
Смятение и страх перед силой.
Преступно стоять, если враг
Бесчестит родимых и милых.

(Перевод Г. Шафикова)

Перечень таких строк можно продолжить.

Акмулла воистину неисчерпаем в мудрости и полете афористической мысли. Иногда его речь обретает парадоксальный оттенок, который не сразу доходит до читательского сознания. Это идет от аллегорического, можно даже сказать, эзоповского языка славных предшественников-сэсэнов.

Что спрашивать меня? Удел мой тяжек:
Куда ни гляну — там воронья стража.
Мир узок. Лишь горит в крошечной мгле
Мозг в черепе, как золото в земле.

(Перевод Г. Шафикова)

И тут нельзя обойти вниманием еще один важный аспект, а именно — формальное мастерство поэта. Он явился своего рода реформатором башкирского стиха, который под его пером освободился от тяжеловесных конструкций и застывших канонов восточного стихотворчества. Строки Акмуллы в своей основе звучат легко и раскрепощенно, в них много звуковых аллитераций

* Тура — начальник (башк.)

музыки, света. А если смысл их не всегда доходит до нашего сознания, то в этом, видимо, особенность самого литературного языка, бытовавшего в то время, представлявшего смесь многих тюркских языков. Но и тут проявляется исключительная взыскательность к слову, высокий художественный вкус автора: он отбирает из арсенала арабского языка и языка фарси лишь самые выразительные и точные для данного контекста слова и выражения, по-своему обогащая ими родную речь, письменный язык. Тогда все эти заимствования ничуть не казались странными, как не кажутся сегодня странными западноевропейские слова в нашем литературном языке. Именно это необычайное богатство лексики, смелое смешение разных речений, образная выразительность каждой мысли сделали поэтику Акмуллы общеизвестной и любимой, а самого его — одним из самых популярных и демократичных поэтов своего времени, который оказал воздействие на творческое становление стихотворцев самых разных братских народов: Абая, Гафури, Тукая, Бабича, Юлтыя, Кудаша...

Нет сомнения и в том, что влияние великого народного поэта ощущают и нынешние литераторы. Акмулла учит быть предельно концентрированным на мысли и идее стиха, как можно точнее и ярче их передавать, быть добрым другом, советчиком и наставником читателя — разве это не вечная потребность поэзии, ее непреходящая проблема и необходимость?

И в этом смысле «феномен Акмуллы» продолжает не только существовать, но и выступать все явственнее и актуальнее. Это особенно ясно выявилося на праздновании 150-летия со дня рождения великого поэта-просветителя в декабре 1981 года. Празднования те прошли не только на башкирской, но и на казахской и татарской землях. А потом состоялся торжественный вечер в Колонном зале Дома Союзов в Москве, на котором выступили представители разных народов и народнос-

тей нашей страны, отмечая удивительную интернациональную силу и широту творчества Акмуллы. Имя его стоит в одном ряду с выдающимися деятелями национальных культур и просвещения, таких, как Шевченко и Бердах, Абай и Насыри, Ахундов и Махтумкули...

Замечательный сын башкирского народа Мифтахетдин Акмулла является неисчерпаемым духовным источником национальной культуры. И источник этот не мелеет с годами.

Такова участь подлинно народной поэзии и истинно народной души, вобравшей в себя всю боль и радость родного народа, родимой земли.

В бренном мире все извилисты дороги — нет прямых;
Все тернисты, но усердно люди мнут и топчут их.
Так иди по ним, надежду не теряя ни на миг,
Мертвецом себя не чувствуй, коль идешь среди живых!
(Перевод Г. Шафикова)

Так писал Акмулла в одном из последних своих стихотворений «Надежда». И он идет вперед во времени, живой среди живых, и таковым останется навсегда.

Рашит ШАКУР
Газим ШАФИКОВ

БАШКИРЫ МОИ, НАДО УЧИТЬСЯ!

Башкиры, всем нам нужно просвещение!
Невежд немало, редкость — обучение.
Страшной медведя-шатуна незнание —
Усилим, братья, к знанию влечение!
Вот истина: ты можешь при старанье
Подняться в небо, плавать в океане.
Уменьем наделяет нас и силой
Не дух святой, не волшебство, а знание.
Кто просвещен и ремеслу обучен,
Тот славен, горд, в общении не скучен,
Источник мудрости ему доступен,
А неуч с униженьем неразлучен.
Сложением шести и единицы
Десятки, как ни бейся, не добиться,
Смещеньем стрелок время не ускорить,
Без помощи наук мечтам не сбыться.

ГОВОРЯТ...

Говорят, коль выбрал русского в друзья,
Путь твой правильный... И, видимо, не зря
Те у русских ищут милость и приют,
С кем неправеден и лют бывал туря...

Говорят еще, все зло от языка
Нечестивого ханжи-клеветника:
От наветов гибли лучшие мужи,
Царства пали, простоявшие века.

Говорят, что сон не сон без ворожбы.
Нет без сруба прочно сложенной избы.
Грош цена тебе в народе, о мулла,
Если нищих боль тебя не обожгла.

Говорят, коль подружился с дураком,
Сам же в этом ты раскаешься потом.
Если дни свои проводишь в болтовне,
Знай, что место тебе в жизни лишь на дне.

ПОСЛУШАЙ ИСТИНЫ ПРОСТЫЕ...

Ученость тем, что в книгах сказано, жива,
Но чаще слышим мы обычные слова.
Ружье — кривое, конь — худой, жена ворчит, —
Вот отчего у нас седеет голова.
Послушай истины простые, есть резон:
Ведь впрямь, когда на мягком спишь, спокойней сон.
Когда жена мила и ладны конь, ружье,
Мужчина соколом глядит, не тужит он.
Когда творят добро, излишни шум и гром,
Злу, как его ни обряди, не стать добром,
Мочалку смазкой в ремешок не превратить,
С конем корову не сравнивать, накрыв ковром.
Сосуд с годами цвет изменит, форму — нет.
Того, кто жил достойно, помнят много лет,
И недруг имени его не очернит —
От лая пса не меркнет в небе лунный свет.
Коль потеряешь честь — утратишь и почет,
Заслуга прежняя от срама не спасет,
Тогда и старый друг сочтет тебя врагом, —
Там, где возделывал ты хлеб, взойдет осот.
Учиться жить у прозорливых надлежит,
Лишь осмотрительный несчастья избежит.
Как утверждают притчи древних мудрецов,
На дне терпенья слиток золота лежит.
Пример отваги нам оставил царь Даут *,
Но был Даут нетерпелив, не в меру крут,

* Библейский царь Давид.

Он тридцать собственных любимых сыновей
Сгубил в минуту безрассудства, коль не врут.
Какой из этого Даут извлек урок?
Вскричал: не царь я — раб твой, всемогущий бог!
И сына вымолил — родился Сулейман *,
За тридцать братьев отдавался он, как мог.
Бог создал рай, а правил раем Сатана,
Но в ад на вечные был сослан времена
За то, что сам себя безмерно возвышал.
Заметь: гордыня — неискупная вина.
А некто двадцать лет червивел, гнил живьем,
Все, кроме сердца с языком, погнило в нем,
Но снова облик человеческий он обрел...
Нетленен дух — вот что из притчи узнаем.
Мы смертны, все простимся с жизнью в свой черед,
Но каждый к берегу бессмертья ищет брод.
Ты скажешь: брода так никто и не нашел!
Утешься тем, что в Судный день и Смерть умрет.
Я все приемлю, чем господь ни одарит,
Прекрасна жизнь, хотя и мерзости творит, —
Не дешевет драгоценность и в грязи,
Отмой — и золотом опять она горит.
Отмыть — в стихах своих об этом хлопочу,
Добру учу, с недобрым знаться не хочу...
Не уцелеет заяц, взятый на прицел,
Всему на свете предназначен свой удел,

* Библейский Соломон Мудрый.

С судьбою спорить бесполезно, говорят,
А все же тот удачлив, кто умен и смел.
Не страшен смелому и самый грозный враг,
Страшнее друг, коль он невежда иль дурак.
Дурак по дурости тебя ударит вдруг
И с ног собьет, когда не ждешь ни ссор, ни драк.
Неповторимый аромат цветущих роз
Тому неведом, у кого заложен нос,
Высоких помыслов невежда не поймет —
Поклявшись в дружбе, на тебя пошлет донос.
А лучше ль тот, кто хает друга за спиной,
Представив промах несомненною виной?
Какой он друг! Гони его, как гонят пса,
Чтоб молоко не осквернил своей слюной.
Сходясь с людьми, позорче в них взглядишь сперва,
Тут мудрость старая, джигит, всегда права.
Невежда, повторю опять, страшной врага,
Живая мышь, коль лев умрет, сильнее льва.
Невежде дай алмаз — оценит в медный грош,
Но не одна лишь тупость нас кидает в дрожь.
Безмен иного скинет с пуда фунтов пять,
А с виду человек как будто всем хорош...
Обычай учит: поприветствуй старика,
Омой в пути лицо, коль встретилась река.
А мой совет: не заводи дурных друзей
И не стыдись, назвавшись другом бедняка.
Хоть может дури поубавиться в дурном,
Не станет порченная лошадь скакуном,

Каким атласом ты ее ни накрывай
И сколько чистым ни подкармливай зерном.
Сумев гусей над лунным озером настичь,
Сбивает только белый сокол, а не сыч;
Тугур * вороне хоть из золота отлей,
Она, взлетая, ищет падаль, а не дичь...
Коня попоны не лишай, решив: «Гриваст».
Не льни к богатому, решив: «Хоть грош, а даст».
Не покидай своих друзей, решив: «Бедны», —
Бедняк на выдумку веселую горазд.

* Т у г у р — насест для подсадки ловчей птицы перед выпуском ее на охоту.

ДРУЖБА

Пусть твой друг красив не будет, был бы честен он
с тобой,
Был бы он душой свободен, хоть и притеснен судьбой.
Пусть разделит дни удачи и не бросит в час беды,
Пусть в делах его не будут гнусной подлости следы.

Друга мелких недостатков в раздражение не заметь,
Пусть и он не смеет к мелким недостаткам зла иметь.
Если друг тебе соратник, льстить ему в словах нельзя:
Не наружной статью дружат — сердцем и душой — друзья.

Не унизь из-за лохмотьев человека никогда —
Может, он не из вороньих — из шункаров *? Что тогда?
Тот, кто жив, имеет право доли счастья своего.
Не зови ослом другого: из тулпаров ** род его.

Обязательно ль за счастьем в Халеб *** ехать и Багдад?
Пусть ты болгаром **** зовешься, будь своей отчизне рад.
Пусть узнают: Акмуллою эта песнь сочинена.
Пусть хулят меня, но песня в наре ***** сгинуть не
должна.

* Шунка р — кричат.

** Тулпар — сказочный конь.

*** Халеб — город древнего арабского мира.

**** Б у л г а р ы — древняя тюркская народность Поволжья.

***** Нар — огонь, пламя, ад.

НАЗИДАНИЯ

В жизни, первое, совесть нужна, совестливость,
Совестливость как божья дается нам милость.
Мало молвить с усердством: «Прости меня, боже!» —
Молча совесть блюсти в себе — много дороже.

Честь и честность — второе условие. Если
Нету чести в тебе, то не будет, хоть тресни!
Для бесчестного лучшее место — в могиле,
Чем ходить по земле в святотатственной силе.

Третье, сказано, ум. Говорить с дураками
Не словами приходится, а кулаками.
Осердясь, дураки посягают на веру,
Ни в делах, ни в суждениях не ведая меру.

Благодарность, мы скажем, четвертое свойство.
Коль ты неблагодарен — с глаз моих скройся!
За добро благодарен будь и за доверье,
И за то, что аллах в мир открыл тебе двери.

Свойство пятое — это порядочность. С нею
Мы любовь обретаем — нету чувства сильнее!
Нас любовь возвышает и делает чище,
Потому мы до гроба любовь свою ищем.

А шестое условие — это терпенье.
Терпеливый достигнет всего без сомненья.

Нетерпение — признак отсутствия воли,
Приведет оно к скорби, раскаянью, боли.

Страсть — седьмое условие. Страсть — это пламя!
Это пламя небесное властвует нами.
Мудрецы говорят: все, что названо выше,
Совмещается в нас под единою крышей.

Неизменны в миру и печали, и слезы,
И народ привыкает к ним — вот где угроза!
Люди в спячке, свой стыд потеряв, пребывают.
Но идут караваны, но едут обозы!..

О беспечность! Она — принадлежность бесстыдства.
Хоронит она столько — иным и не снится.
Повидал я могильщиков в жизни немало,
Преисполненных смеха, игры и ехидства.

Что́ стенанья загробные! Что́ после смерти
Заклинанья, мольбы чьи-то о милосердьи!
В этом мире где́ трепет твой был пред аллахом? —
Хохотал, когда плакать бы надо от страха.

Не приводит к добру ни разнузданность нрава,
Ни паденье, ни взлет, ни смиренья отрава.
Надо честно блюсти человечность такую,
Чтобы веру нести о небесном — земную.

Подлый блага от бога вовек не дождется.
Мудрый — и умерев — средь живых остается.
Просвещенный пребудет в умах. А невежда —
Как корова, что в пыль молоком обольется.

О нутре ты сначала своим беспокойся,
Чтоб не вонь шла оттуда — сияло бы солнце!
Пусть душа будет чистой. Стремись к очищению —
Нет без этого пользы в твоём просвещенье.

Средь ногайцев невежды есть и средь казахов.
Позаботься о грамоте, ради аллаха!
Что с того, имена тебе ведомы, нет ли
Всех пророков и ангелов белого света?
Коль плодов просвещения ты не изведаль,
То и проку от жизни без этого нету.

Обращаюсь к казахам с душевным упреком:
Безразличие в вас есть к просвещенья урокам.
Несмотря на слова назиданья, как прежде,
Большинство оставаться желают в невеждах.

Непризнание муллы станет доблестью вряд ли.
Пусть лишь будет мулла ваш в речениях внятным.
Пусть блюдет человеческий долг и собою
Всем являет пример и живой, и опрятный.

Пусть он званьем своим пред людьми не кичится,
Пусть детей по-людски призывает учиться.
Пусть им головы мусором не забивает,
Про свой долг просветителя не забывает.

Знаю мулл я таких, что тупицы и сами,
Шарлатаны, дубины с пустыми глазами.
Строк пятнадцать заучат из книги священной
И надеются мир заморочить словами.

В словах не нуждается медоточивых
Род людской. Суть важна в них и мыслей начинка.
Мусульманин любой понимать тебя должен:
И последствия видеть, и первопричину.

Где лекарство найти? Как секрет исцеленья
Отыскать для аулов, джайляу и селений?
Есть ли прок призывать?.. Проворчат: поученья
Вновь завел Акмулла для мирского мученья.

Что слова! Мы в словах стелем мягко. Однако
Жестко спать: ведь в душе — царство холода и мрака.
Больно видеть, как тратит иной свою ловкость
На очистку кармана, увод аргмака.

Коль в груди не мерцает и проблеска чести,
То родителей честь в его совести есть ли?

Отчего мы безжалостны к жизни и людям?
Отчего обо всем так нещадно мы судим?

Мы бесчестие множим от жажды к отмищенью
То поступком дурным, то корыстным стремленьем.
Лесть цветет. Прямота на глазах иссыхает.
Тот, кто правду изрек — терпит злые гоненья.

Лгут всюю без смущения муллы иные,
Чтоб добычу не выпустить в руки другие,
Гнутся в пояс пред мурзами, что побогаче,
Нет им дела до бога, до веры тем паче.

Связан с глоткой язык.

Не аркан ли на шею
Нам табунщик накинул? — От мяса жиреем.
Не шайтан ли поймал в свой капкан наш желудок?
Тот, кто пищей одною живет, тот — ублюдок.

За Каф-тау род Шахбаза скрылся.
И сразу

Стан заполнили вороны до отказа:
Жадность падаль плодит.

Так нелепый обычай
Порождает уродство на свет и заразу.

Так худые дела нам коверкают душу,
Выворачивая все дурное наружу.

Не способное внять Ябраилу *, немало
Ядовитую кровь наше тело впитало.
Хоть стирается вера — закон остается,
Чтоб душа понемножечку, да трепетала.

А бывает, мулле, словно кость, сунут клячу,
Да и ту он получит с трудом — не иначе,
А у клячи нет глаза, и спину короста
Покрывает — умрешь от обиды и злости.

А бывает, подкинут хромого барана
Иль верблюда больного — в болячках и ранах.
Чуть живые плетутся они за муллою —
Это все, что имеет мулла от Корана!

«Кисекбаша» мулла прочитает всегласно
И в глаза богача смотрит подобострастно.
Возвращается — спереди кляча слепая,
Позади — хромоногий барашек на мясо.

Ну а те, что и той не имеют подачки, —
Ни хромого барашка, ни клячи незрячей,
Лица к небу возносят: «Прости нас, о боже!..»
Это — муллы-истяки **, никак не иначе.

* Я б р а и л — ангел добра и жизни.

** И с т я к (каз.) — башкир.

Отдают им такую скотину порою,
Что того и гляди — в землю ткнет головою.
Только поздно: угас человек на рассвете —
Кто на свете за смерть человека в ответе?

Нет тлетворней влиянья на детскую душу
Нищеты — иссушает она ее, глушит.
Был в младенцах — как ангел. Стал в юношах вором.
Не найдет ли та порча на девушек мором?

Все испорченные помогают друг другу
И оказывают в преступлениях услугу.
Только в мире ином ожидает их место —
Где всевышний с них спросит сполна наконец-то!

НАДЕЖДА

От друзей письмо получишь — и на сердце благодать.
Жаль, коль на глазах мужчина начинает пропадать.
Разъяренный враг свою же рубит голову, и он же
На свою погибель станет яму черную копать.

В бренном мире все извилисты дороги — нет прямых.
Все тернисты, но усердно люди мнут и топчут их.
Так иди по ним, надежду не теряя ни на миг,
Мертвецом себя не чувствуй, коль идешь среди живых.

На ячменную солому не метнется аргамак.
В спутниках разборчив будь и прочь гони душевный мрак.
Если ж сам притворной дружбой станешь за нос их водить,
Берегись: вчерашний друг тебе же первый станет враг.

НЕИЗВЕСТНО

Счастье, говоришь, нашел,
Но надолго ли оно — неизвестно.
Души — гости наших тел,
Сколько сроку им дано — неизвестно.
Впереди, быть может, век,
Может, три-четыре дня — неизвестно.
Чтоб средь равных равным быть,
Хватит ли в тебе огня — неизвестно.
Пашню жизни распахав,
Много ль вырастить зерна — неизвестно.
Впрямь ли скромница-жена
Благоверному верна — неизвестно.
Ежедневно ль на столе
Будет у тебя еда — неизвестно.
В мед отцовства горечь слез
Не добавят ли года — неизвестно.
Достояние твое
Возрастет иль утечет — неизвестно.
Беды старости грядут
Или слава и почет — неизвестно.
Каждый хочет жить, как хан, —
Надо ль этого хотеть — неизвестно.
Надрываясь день и ночь,
Сможешь ли разбогатеть — неизвестно.

НАШ МИР

Мир многолик, а страсть у всех — одна:
К наживе наша жизнь устремлена.
Как лисы, мы ловчим, но, не насытясь,
Днем радости не знаем, ночью — сна.
О мир! Обманутых тобой не счесть,
К собачьим чувствам ты низводишь честь,
И мы живем во власти заблужденья,
Что призваны как можно больше съесть...
Пустой совет — живи, мол, не тужи, —
Пусть истина восстанет против лжи!
Коль твой отец родной кривит душою,
То правду и ему в глаза скажи!

ПИСЬМО ОТЦУ

Из Оренбурга мы письмо вам отослали —
Его из стана просвещенных мы писали:
Отцу сто тысяч благостных поклонов
От соколенка, чью вы душу обломали.
Отец, прими: незамутненный шлю привет я
Своим пером, каким строчу, спеша, чуть свет я.
Грудь изнывает от тоски, и горечь гложет...
Сим остаюсь твой сын, мулла, я — странник бедный.

Ты поступил не по-людски, отец, со мною —
Приехал я домой и с болью и с тоскою,
Тринадцать долгих лет не знался я с родными —
Уж лучше смерть, чем жить с надорванной душою.
Немилосерден был ты!.. В том моя обида.
Мать — как чужая, хоть добра бывала с виду.
А мы на вас молились, вас боготворили,
Отец и мать!.. И вот с тех пор все позабыто.

Что вам сказать еще?.. Вы ненасытны были
На скот, добро... Добросердечность позабыли.
Пришел, тоскуя, — но не ко двору пришелся!
Впредь путь заказан к вам — во мне вы все убили.

Мне непонятен холод ваших отношений.
Мог жить и я без бед своих и без лишений.
Ведь был наследником я вам — не сиротою,
А ты — отцом был; где отцовское решенье?

Жизнь продлится день иль месяц, может статься.
Тут бы печься о душе — не о богатстве.
Для тебя я был не лучше подлой клячи,
Стригунка не стоил — что ж тут обижаться?

Пусть же конь твой не проскачет мост Сирата *,
Через чрево огнедышащего ада.
Знай: тогда и ты не стоишь лошаденки...
Мы — мужчины, нам одна с тобою плата.

Обделен почетом всюду мрачноликий.
Если светел ты душой, то — и великий.
Будет конь, и будет шуба — нас не будет...
Час придет — верну коня! Не надо крика.
Ты ж коня того поставил выше сына,
В нем — твоих желаний, видимо, вершина.
Для меня добра крупицу пожалел ты,
Я же — сын твой, не калмык, — вот что обидно!

За тринадцать лет впервые посетил я
Отчий дом, родной очаг, в тоске бессильной.
Даже тут не проводили при прощанье —
В горле встали слезы зла и обожанья.

* Мост Сирата (Сират-купере) — мост через огонь ада, тоньше лезвия сабли, по которому должны пройти грешники.

Мой султан! С кем мне еще быть откровенным?
Кровь больная заливает мои вены.
Все задуманное не осуществилось —
Я прощаюсь без надежд на перемены.

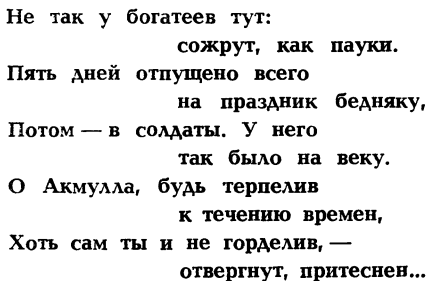
С нажитым да будьте вы благословенны!
С ним вы счастье обретете непременно...
Коль есть золото, цены ему не знаешь,
Если нет, — таньга и та имеет цену.

Будь почетной головой в почтенном стане.
Пусть ученость к голове той не пристанет.
Соловей жить рядом с вороном не может —
Бестолковым о мужском судить ли сани?

КТО ЕСТЬ КТО

Не странно ли: коль ты богат,
ты всем на свете мил,
А беден — значит виноват,
позора заслужил.
Нарядный, словно попугай,
одетый в блеск и лоск,
Застолье смело собирай,
пусть рот разинет гость.
Не странно ли: коль ты бедняк,
тебя на свете нет.
Разбогател — будь ты дурак —
прими хвалу, привет.
Мулла — тогда мулла, когда
надменен и спесив.
Приветить нищего? Ну да!..
Да боже упаси!
Богач ему милей всего —
киргиз он иль нугай —
«Добро пожаловать!» Его
попробуй отругай!
Будь ты прекрасен, как Лукман,
изящен и красив —
Твои достоинства — обман:
ты беден, он спесив.
Святой закон казахи чтут:
способен — помоги.

ИСАНГИЛЬДЕ БАТУЧУ

Карабалыкцы, карагызы*, из тюрьмы
Вам пишет тот, кто ваши просвещал умы.
Меня предательски вы отдали врагам,
Забыв, что все перед творцом предстанем мы.

Живя средь вас, я лишь о том его молил,
Чтоб край ваш милостью своей не обделил.
А ныне, вашим злодеяньем поражен,
Я плачу вновь и вновь, и нет сдержаться сил.

Как сдержишься, как слезы эти утаишь,
Когда, страдая, боль ничем не утолишь?
Безвинного доносом ранил клеветник,
Да взвоят он, поймав в своем кумысемышь!

Язык доносчика грязнее помела,
Чернее дегтя совесть, помыслы, дела,
Меж тем он носит имя доброе — казах...
Прости, всевышний, ту, что жизнь ему дала!

В сердцах я весь обидел карагызков род,
Такое вырвалось, что оторопь берет, —
Ведь есть и будут благородные средь вас,
Бесчестны выродки, но праведен народ.

* Карабалыкцы и карагызы — родовые объединения казахов.

Дух славных предков в карагызах не угас,
Восприняли их мудрость лучшие из вас,
Так неужель заступников я не найду
И буду чахнуть в унижение, как сейчас?!

Нежданно жалобу закончив похвалой
И вспоминая годы близости былой,
Приветствует вас узник Троицкой тюрьмы,
Себя при встречах называвший Акмуллой.

ПРОШЕНИЕ СУЛТАНУ * ГАБИДУЛЛЕ

Да будет мир над вами, мой султан,
Кому и дух, и ум высокий дан!
Шлю свой привет несмелый аргамаку,
Влетающему первым на майдан!
Мне петь бы, словно соловью в саду,
А я сижу, как сыч, — попал в беду.
Коль я наказан за грехи Всевышним,
В молитвах выход, думалось, найду,
Но нет — по наущенью Сатаны
Я продан с торга плутовской страны
И вот кричу: «Спасите!» — из неволи,
Едва не из могильной глубины.
Негаснущей надеждою согрет,
Сто тысяч раз взываю к вам, хазрет **,
Хоть умному довольно и намека,
А лишние слова — себе ж во вред.
Ко многим обращался я с мольбой —
Никто моей не занялся судьбой,
Ни слова в утешенье горемыке,
Не видящему неба над собой!
О слово! В нем и сладкий мед, и яд,
Им могут ранить, им же исцелят...

* Габидулла Букеев, к которому обращается Акмулла, — сын последнего казахского хана Джиганхира, поэтому он носил титул султана. В Петербурге Букеев получил чин генерала.

** Хазрет (арабск.) — титул священнослужителей и высокопоставленных лиц.

Султан мой, помогите вашим словом,
На страждущего обратите взгляд!
Для всех, кому грозил суровый рок,
Был Меккой ваш спасительный порог.

.
. *

Вы тот, кто может с лезвия клинка
Зазубрины свести без оселка.
Вещь первозданной блещет чистотою,
Коль ваша к ней притронется рука.
Суждение ваше — истины оплот,
Налившийся на древе знаний плод.
Богатство ваше всей стране известно,
Да множится оно из года в год!
Найдя у вас защиту и приют,
Вам должное за щедрость воздают.
С живой водой сравнима ваша помощь,
Не счесть домов, где эту воду пьют.
Великодушью вашему — хвала!
О нем сейчас тоскует Акмулла.
Не обойдите узника участием,
Хоть крошку киньте с вашего стола!
И пусть преуспеванием в делах
Вознаградит за это вас Аллах,
Пусть враг страшится вашего проклятья,
И прочь бежит, и обратится в прах!

* В сохранившихся списках послания эти строки утрачены.

БИКМУХАМЕТУ, СЫНУ КАРЫЯ

Бикмухамет-мирза, слова привета
Прими от горемычного поэта!
Многообразно назначенье писем,
Надежду я в письмо влагаю это.
Высокочитимый друг! В земной юдоли
Извилисты пути к желанной доле.
Я заблудился, угодил в тенета,
О помощи взываю из неволи.
Зиндан *... Мрачней не выдумать явленья!
Здесь жизнь — не жизнь, а светопреставленье.
В слезах помочь просил я карагызов,
Да, зная, мольбы посеял на каменья.
Уста у состраданья онемели,
Вращают жернов правды пустомели,
Над поправной ученостью рыдая,
Душа моя скорбит в иссохшем теле.
Молю: сверкни, как луч в небесной хмури,
Дай мне увидеть ясный блеск лазури,
Господь вознаградит тебя за это
В раю улыбками прекрасных гурий.
Мирза, к несчастным не был ты суровым,
Стал золотым столбом под отчим кровом,
Судьбой тебе ниспослано богатство,
К тебе престиж твой накрепко прикован.
Добавлю — пусть за мной не остается:

* З и н д а н (перс.) — темница.

Кто раздает, тому и воздается;
Вода в колодце тем свежей и чище,
Чем больше из него людей напьется.
Понять бы всем, как много это значит!
Не видеть бы, как мусульманин плачет!
Но мир устроен так, что по майдану
Не доброта, а подлость первой скачет.
Пишу, высокочтимый, в сокрушении:
Душа избита, злобно окруженье.
Пишу в тоске в счастливую обитель
И славлю дом, достойный уваженья.
Пусть силы в нем бурлят, не убывая,
Пусть мудры будут в нем, повелевая,
И пусть на радость всем его владельца
Коснется тень волшебного Хумая*!
Великодушье — лучших мирз примета,
Смысл их богатства — щедрость. Веря в это,
По крайности нужды к тебе взывает
Твой Акмулла из паствы Магомета.

* Хумай — сказочная птица счастья. По восточным поверьям, тот, чьей головы коснется тень Хумая, станет великим повелителем.

В ТЮРЬМЕ

От странника, от Акмуллы
примите вы привет,
От праведника Акмуллы,
чье слово к людям — свет.

Земля родимая, прими
посланье от того,
Кому не страшен никогда
его врагов навет.

О доле бедного муллы
вы спросите, юнцы,
О доле жалкого муллы
вы спросите, отцы:

В печали мы не воду пьем,
а кровь глотаем мы.
Мы не мертвы пока, но мы —
почти что мертвецы.

Пусть назиданьем станет вам
от Акмуллы письмо.
Свидетель горя моего —
страдание само:

Здесь люди тают, как свеча,
худеют и гниют.
Надели цепи нам на грудь
и скотское ярмо.

Не спим от ночи до зари.
Бессонница нам друг.
Мы все рассудка лишены
от здешних адских мук.

Мы здесь как будто пауки —
плетем круги тенёт
И ловим с ночи до зари
клопов, и блох, и мух.

Название этих страшных мест —
тюрьма, или зиндан.
Здесь те, кому в удел урок
судьбою злою дан.

Здесь те, кто к ужасам своим
уже давно привык.
Здесь в человеке нет добра.
Весь человек — изъян.

На окнах наших света нет:
сумели оковать.
И чернокаменный забор
не хочет света знать.

А где-то, знать, бумага есть
и книжный переплет...
Нет, это место я врагу
не смел бы пожелать.

Ничто души моей разлад
 не скроет, не спасет,
Когда солдат с ружьем в руках
 побега жадно ждет...
От навалившейся судьбы
 где средство отыскать,
Когда любой из нас — слепой
 и слезы жалко льет.

Спросите вы: кто узник?
 Он — ствечу я тотчас:
Он — человек! И знает он
 про каждого из вас.
Он знает точно, кто мурза.
 Нам все в окно видать:
Кто там на вскормленных конях
 резвится в поздний час?!

Кто там?
 А нам по десять лет,
 наверное, нести.
Да! Петербургских «дел» следов
 уже не разгрести.
Кто там? Какие там мужи
 напрасно кровь прольют?..
Кто выйдет в бой, в напрасный бой —
 чтоб путы обрести?..

О чернокаменный забор!
Ты лик мой изменил.
Я знаю: всаднику в пути
немало нужно сил.
Хочу я дух свой укрепить,
но прежде — воскресить,
Так, чтобы он сквозь смертный страх
себя провозгласил.

Когда нам суп без катыка
приходится хлебать —
Что слезы нам! Терпения
умеем мы достать!
Что слезы нам! Мы станем есть,
обидой суп соля.
Друзьям не сможешь повелеть
гостеприимней стать!..

Да что там — все мы таковы,
конечно, таковы:
Птенцы орлов и соколов —
мы из числа хальфы*.
Майдан учености для нас —
не поле для борьбы,
Мы первенства не жаждали!
Не жаждали! А вы?

* Х а л ь ф а (арабск.) — учитель в дореволюционном медресе.

Мы знали: покрывалами
несчастья не закрыть,
Невинные — виновные,
коль им подсудным быть,

Венец благополучия —
благополучье дней,
Безумному — безумия
ни от кого не скрыть.

О сколько бед нам суждено
за жизнь перенести!
От этих бед престол — и тот
порою не спасти.

А сколько бед, а сколько зла
несет нам в жизни враг!
Булатный меч — и тот не сможет
вечность обрести.

Мы все судьбой обречены
на горе и беду,
Мы все шагаем по земле
как будто бы по льду:

Султана слову вопреки
попробуйте пойти —
И вас в тюрьме сырой сгноят
у правды на виду.

О вдохновение мое!

Всегда ты — словно мед.
Душа — робка, но мой язык
опасности неймет.

Я, бедный, скорбный Акмулла,
в речах нетороплив,
Веду я повесть о себе,
пусть всяк меня поймет.

Я знаю: движим человек
желаньем есть и пить,
Без пропитания никто
не мог на свете жить.

Никто — ни царь и ни султан,
ни праведник, ни вор —
Никто не может над судьбой
хозяином пребыть.

В тебе гордыня велика,
когда в довольстве ты,
Лишь испытание тебя
спасет от суеты.
Я, презиравший баурсак *,
презренный Акмулла,

* Баурсак — национальное сладкое кушанье.

Жую теперь я черный хлеб,
 прося глоток воды.

Солдаты вечерами нас
 сгоняют, как овец,
И пересчитывают нас,
 как скот. Гляди, творец!

Я знал о бренности своей.
 Но э́то допустить!..
Бог беспощадный! Наказал
 меня ты наконец.

Лицом я стал от горя желт.
 Мир темен из окна.
О чуткая душа моя,
 ты в скорбь погружена.

Исангильде Батуч! Я вам
 хальфой усердным был.
А вы унизили меня.
 Вот верности цена!

Я телом стал от горя худ.
 А мысли тяжелы.
Никто не слышит здесь меня.
 Все голодны и злы.
О сколько мне дано терпеть?!
 Никто не скажет мне.

О как страдает от битья
душа у Акмуллы.

О горький униженья день!
Да будет проклят он!
А не творцом ли деспотизм
в коране запрещен?
О подлый друг Исангильды!
Как вспомню о тебе —
Из глаз моих бежит слеза,
из сердца рвется стон.

О сколько глаз моих врагов
глядят из темноты,
О сколько я от них терпел
доносов, клеветы.

Но я ни разу не восстал.
Известно было мне:
Ведь ты — вершитель правоты,
великий бог! А ты!?

Теперь я знаю все. Пора
мне истину сказать:
Вовек не стоит тот добра,
кто не желает знать.
Изгрызли волки грудь мою.
Они — моя беда,

Но их от сердца моего
никак не отогнать.

Известно: неуч никогда
укора не снесет —
Заметку эту в тьме веков
не выдумал народ.
Врагу пророк чужой земли
всегда не по нутру —
Так, в пользу ль будет масло псу?
Совсем наоборот!

Тот, кто в невежестве погряз,
добра не сотворит,
Он проходимцу ночью дверь
спокойно отворит.
Пустой снедаем суетой
и темной жизни рад,
Он к просвещенью никогда
лица не обратит.

Да, бед немало нам несут
донос и клевета,
Хочу я, чтоб клеветника
сразила немота.

Но, человек, останься глух
к навету и молве:

К маралу белому не льнет
кабанья чернота.

Невежде ль праведником быть,
коль в темноте он рос —
И на пророка самого
набрасывался пес.

Я сам искусан псами лжи —
живого места нет.
О сколько в этой жизни я
укусов перенес!
Но день придет, и боль пройдет,
избавлюсь от врага,
Настанет день, когда слетит
с шункара тумага *.

В неволе я не растерял
прекрасных жемчугов,
Меня от гибели спасут
таланта жемчуга.

На тех, кто честен и высок,
невежда озлоблен,
Так повелось из века в век
еще с былых времен.

* Тумага — кожаный шлем, колпачок, надеваемый на голову охотничьему шункару.

Еще с былых времен твердят
ученые мужи:
Увы, на каждого Мусу
есть в мире фараон *.
Я в назидание хочу
свой к вам привет облечь,
Хочу я повестью своей
других предостеречь.
В течение повести моей
немало смысла есть,
Вверх по теченью проплывет
тот, кто вникает в речь.

О как же, как я оплошал:
среди стаи воронья
Зачем я к совести зывал?
Как был наивен я!

Я, многокрылый аргамак,
не знающий преград,
Перед крутым обрывом лжи
теперь бессилен я.

* Арабская пословица.

Атласной шубе лишь базар
способен цену дать,
Но там, где хитрость и обман,
торговле не бывать.

Какой, скажите, ювелир
свой оскорбит талант? —
Не станет он на шею псу
бриллианты надевать.

Созвездью Рака не бывать
созвездием Стрельца,
Не нужно доброго искать
в поступках подлеца.

Не станет лыко никогда
нервущимся ремнем,
Хоть маслом лыко натирай
до смертного конца.

Деянья добрые всегда
пред совестью чисты,
Из рук злодея никогда
не ждите доброты.
Корову дорогим ковром
не стоит накрывать,
Умней не станет попугай,
сколь ни старайся ты.

Железо дряхлое вовек
не превратить в алмаз,
Ишак не станет никогда
товарищем для нас.

Неверный друг, как черный змей
по имени Юха *,
Проникнув в сердце к нам тайком,
сожрет нас в черный час.

Дурному власть препоручи —
он разорит народ,
Невежду лаской приголубь —
он ласки не поймет.
Когда обжорист аргамак —
хоть золотых кровей, —
Его рабочий конь простой
на скачках обойдет.

Когда в безделии душа
томится день и ночь,
Она, упряма и темна,
бежит от знаний прочь,
С кривой усмешкой на устах
спешит на шумный спор.

* Ю х а (мифологич.) — змей, принявший образ женщины, враг людского рода.

Ей вожделенья своего
в себе не превозмочь.

Дурных друзей, ученый муж,
прошу, поберегись,
Невежда — лишь на месяц друг,
а дальше — враг всю жизнь.

Когда у человека нос
ввалился на лице *,
Ему ли ведом аромат,
хоть мускус окажись.

На ненависть себя злодей
навек приговорил,
Пес лежа лает на людей,
когда лежит без сил.

Злодей тогда лишь замолчит,
когда земли хлебнет,
Когда с заботами его
покончит Азраил **.

Поверьте, как моей душе
в печали нелегко,

* Намек на Исангильды-бая, имевшего подобный недостаток.

** А з р а и л — ангел смерти.

Как ей простить, что грязный пес
влез мордой в молоко?
Да разве стал бы плакать муж,
когда бы не страдал,
Когда б легли его пути
от горя далеко?

Друзья, послушайте меня:
мученья хуже нет,
Когда болезнь твоей души
собою застит свет.
Придите к узнику в зиндан,
придите навестить,
Он будет благодарен вам,
вниманием согрет.

Мне не дает покоя тот,
кто вере учит нас,
А сам — и веру, и людей
без совести продаст,
Кто триста шестьдесят чудес
великого творца
Съедает, как траву баран,
на завтрак в ранний час.

Стих назиданья моего!
Поведай, расскажи,
Как я немыслимо устал
бороться против лжи.

Я не из тех, кто доносил
на каждого Мусу,
Я сам все боли принимал,
почтенные мужи.

Я знал, что золота вовек
не замарает грязь,
Вода все смоем — и металл
останется, искрясь.

Стрела кривая по прямой
вовек не полетит,
Сияет вечная луна,
над лаем пса смеясь.
Я шлю привет родным полям,
далеким землякам,

Всем, кто ко мне душой открыт,
свою хвалу воздам.
Всё преходяще на земле,
тем более — хула,
Есть только истина одна.
Она — спасенье нам.

Пускай стреножен аргамак —
не будет хуже он.
Кто этой мысли не поймет,
тот просто не умен.

Я знаю, тот лишь человек,
кто с правдой заодно.
Велик пророк, но подлецу
не верил даже он.

Пусть слово доброе мое
вам новых сил придаст,
Пусть каждый своему уму
по должному воздаст,

И знайте: это не стихи,
а назиданье вам...
Ни ф́арси, ни арабский стих
того не передаст.

ТРУДНО ДРУГА ОБРЕСТИ

Трудно искреннего друга в наше время обрести,
Краснобайство и притворство, а не искренность в чести.
Извещал я именитых о беде своей, да разве
Жирный тощему поможет! Взгляд спешили отвести.
Угодив в пучину горя, думал: кто-нибудь хоть раз
Навестит приличья ради бедолагу в тяжкий час.
Где ж вы, слуги милосердья, правоверные собратья?
И сочувственного вздоха не доносится от вас.
Может, чудо бы свершилось, обратиться я к небесам —
Избавленье от тоски я приравнял бы к чудесам,
Но не чуда, пес бесстыжий, жду, надежды не теряя, —
От людей чего-то жду, чего — не ведаю и сам.

ЖЕСТОКОСТЬ

Мир не блещет красотой в разлуке с солнечным лучом,
Соловей не запоеет, когда он с садом разлучен.

Нужно ль спрашивать в тюрьме: «Как поживаешь, как
дела?»

Со свободой, видишь сам, я этим адом разлучен.

Слаще сладостных плодов цветущей юности пора —

Был я с нею, не успев припасть к усладам, разлучен.

Гору горестей тащил до помрачения ума —

Тут вот надо бы, да не был с мрачным взглядом разлучен.

Лишь одна осталась ценность у меня — моя душа.

Жаль: и с нею буду жизненным укладом разлучен.

КРОВОТОЧАЩУЮ ЧИТАЮ КНИГУ БЫТИЯ

Кровоточащую, читаю книгу горя
И черных бед я открываю море.

И море от меня уносит вдаль —
Мою любовь, надежду и печаль.

Вел летопись я вечности, и вот
Та вечность в бездну черную зовет.

Что спрашивать меня? Удел мой тяжек:
Куда ни гляну — там воронья стража.

Мир узок. Лишь горит в кромешной мгле
Мозг в черепе, как золото в земле.

ОСЕНЬ

Темен, тучами затянут небосвод,
Лижут землю ветры — вестники невзгод.
Худо дело: волоча свой древний меч,
Вновь старик Мороз на нас войной идет.
Люди туже затянули пояса,
Сбросив листья, зябнут голые леса,
И тревожное безмолвие степи
Нарушается лишь пеньем колеса.
Желто все: и степь, и воздух, и вода.
От весеннего цветенья — ни следа.
Мир поблек, и на душе такая грусть,
Будто солнце не проглянет никогда.
Но не вечно это время желтизны,
Будут дни опять безоблачно ясны,
И блаженство, пережитое весной,
Повторится. Потерпите до весны!

НОЧЬ И ДЕНЬ

Всходит солнце и заходит вновь оно.
Все живое в свет и мрак погружено.
Только скроется во мраке лик земли,
Как уж снова утром светится окно.

Ночь — прекрасна.
Но дневной прекрасней свет!
Ночью — звезды.
Только солнцу равных нет!
В дождь вселенная блаженствует. Земля
Обновляется... Тогда ей равных нет!

ОБРАЩЕНИЕ К ДРУЗЬЯМ

Вы знаете ль, кто истинный мулла?
В чем святость, что нам письменность дала?
Иль вы, как Юзикаев, из башкир,
Прославлены уже на целый мир?
Иль, не лишась богатств, не укротивши спесь,
И жадность не уняв, хотите в рай пролезть?
О, не спешите, братья! Внемлите лучше мне:
Я выстрадал боль слов на жизненном огне!
Достойными сначала надо быть
Народа своего. Народу лишь служить.
Но в спячке мы, сыны ислама. И вперед
Тот, кто в дремоте пребывает, не пойдет.
А чтобы противостоять своим врагам,
Историю познать нелишне нам,
Во всех науках проявить себя,
Иначе — и судьба нам не судьба.
Не только знать по-русски и писать,
Неплохо бы французский понимать.
Но прежде важно в языке своем,
Как рыба, плавать,
Свой восславить дом.
Узреет просвещенный чудо дальних стран,
Как с корабля морского — дивный Хиндустан.

ПЕВЕЦ

Эй, джигиты! В круг, поближе!
Речь заводит Акмулла.
Говорят, кто счастлив в жизни,
К тем благоволит алла.

Одолели нас печали,
Но нельзя о них кричать.
Наш язык — вы замечали? —
Гадок, стоит лишь начать.

Ум всеведущ, руки — слабы,
Тучей небосвод закрыт —
Не проси подачки, дабы
Не закрыл нам душу стыд.

Не просите подаянья,
Лучше пояс затянуть.
Я возьму с собой преданья,
С вами отправляясь в путь.

Перед таинством природы
Можно голову — в курбан: *
Ум великий и свободный
Человеку ею дан!

* Курбан — жертвоприношение.

* * *

Не горюй, что дни проходят —
Дней создатель не учел.
Нас достаток производит
В люди; нищета низводит
К сраму — худшему из зол.

Знай: урод тебя погубит,
Коль войдет в твой дом урод.
А народ тебя полюбит —
Заблится, как народ.

* * *

Нам в меру все отпущено природой
Была она мудра, нас сотворив,
Создав двенадцать органов телесных
И речь в гортани нашей отворив.

Она пути к ученью указала,
Творить добро велела нам она.
И в этом — наша трудная задача.
Она да будет нами решена!

Твори добро всегда с душой открытой.
Всегда осилить скверну нам дано.

Пусть дьявол заберет у вас свободу —
Вы силу рук оставьте все равно.

Сравним себя с народами другими:
Неужто, братья, мы других слабей?!
Так почему же силы ежедневно
Теряем мы на тысячу рублей?

Мы истощили ум и наши души,
Мы променяли золото на медь,
Мы злобы разучились сторониться
И к доброте стремление иметь.

Нам дайте в руки тысячерублевку —
Что делать с ней не знали б мы тогда.
Бездельникам наверняка раздали б —
Они бы расхватали без стыда.

* * *

Я повторю: природа совершенна,
Коль подарила разум нам живой,
Коль наши части тела равноценны
И каждый орган смысл имеет свой.

Она мудра. Как в мире было много
Людей, сумевших роскошь обрести,

Но никому в последнюю дорогу
Не удалось богатства унести.

Коль час придет, уже ничто не сможет
Отсрочить миг ухода твоего.
Ничто уже богатства не умножит,
Как будто бы и не было его.

Апостолы, пророки и поэты,
Что верно милосердья путь прошли,
Испили тоже смертного шербета * —
Ту чашу стороной не обошли.

Пред ремеслом земли и неба, верьте,
Никто еще спасенья не нашел.
Платон, который так хитрил с бессмертьем,
И тот в даль мироздания ушел.

* * *

Душа моя — как сиротливый агнец:
Найти ночлег не может для себя.
О, сколько душ ты загубила, алчность!
О, сколько слез еще прольешь, губя!

* Ш е р б е т — напиток, нектар.

Покоя не дает клятвоотступник
Рыдающему сердцу моему.
Людское лихо — жизни вечный спутник,
Жить не дает горящему уму.

Душа полна простых мирских желаний:
Людей в шелка добротные одеть.
Что толку от несбыточных мечтаний?
Господнему ль рабу о том радеть?..

* * *

Много дум я передумал...
Зло! Будь проклято вовек!
Сколько раз тебя встречал я,
Я, из плоти человек.

Голова моя! Писал я
Все, о чем переживал.
Чрево! И питье, и пищу
Вволю я тебе давал.

Мой язык! Ни словом ложным
Я тебя не осквернял.
Очи! Глядя на страданье,
Я очей не закрывал.

Только руки вот касались
Скверны гадостной мирской.
Только ноги все ж ступали
На дорогу в грех людской.

О душа моя! Бывало,
Окуналась ты в порок.
Жизнь моя прошла напрасно:
Жить я праведно не мог.

Я с пути сбивался, знайте,
Был в грехе я и нужде.
Тех, кто мне родня по духу,
Узнаю всегда, везде:

На плечах сакман* оборван,
Горечь очи обвела...
О джигиты! Поученье
Продолжает Акмулла.

* * *

Младенцу, что лежал еще в утробе,
Аллах великий повеленье дал.
Но тот к аллаху обратился, чтобы
Аллах его рожденью не предал.

* С а к м а н — zipун, армяк.

«Мне хорошо здесь, — говорит младенец. —
Вели же, чтоб я света не видал».

Тогда господь пред несмышленным взором
Мирских красот картину развернул
И, соблазнив красотами, которым
Название — ложь, младенца обманул.

И, восхищенный дивною картиной,
Младенец появляется на свет...
Путь впереди — короткий или длинный —
А правды нет, добра и веры — нет!

* * *

Богатый подкует коня
Подковой золотою.
Бедняк, нужду свою кляня,
Приладит скарб в кривой арбе
За телкой молодою.
Дела пустые нам в судьбе
Грозят всегда бедою.
Не оберешься клеветы,
Коль дураку поможешь ты.
Не помогай: пустое!

* * *

Эй, джигиты! Время слушать:
Не творите ложь-обман.
В вас живут простые души
Настоящих мусульман.
Клеветы остерегайтесь,
Для гостей откройте дом,
Результатов не пугайтесь,
Добрым добытых трудом.

Мы не вечны. Значит, надо
Нужные труды вершить,
Без обещанной награды
Справедливо в мире жить.
Что за время — кто мне скажет?!
Не великая ль беда:
Если негодяя даже
Одобряем мы всегда;
Если честного мы судим,
Хвалим вора, бьем истца? —
Этот меч булатный людям
Угрожает без конца.
В этом мире бесконечном
Добродетелен лишь тот,
Кто по сути — человечен,
Кто свой разум бережет.

РАЗУМ

Отвергая все советы, властью пьян,
Власть достигший сам себя сует в капкан.
Таковым вовеки дружбу не познать —
Рядом с ними лесь пребудет и обман.

Смертных счастье покидает не тотчас,
Не спускает с них оно пытливых глаз:
Коль путем дурным счастливец тот пойдет,
Знает пусть: уже он счастьем не указ.

Нам тугай милее россыпей песка,
Нам порядочность людская так близка.
С дураком прожить десяток дней — как год.
Мудрецу внимай: не лгут его уста.

Злато для тупиц — не более, чем медь.
Золотых друзей старайся занимать.
Тот, кто спутников лишен в пути, с него
Сбиться может и, забытый, умереть.

Имя дал тебе отец — им будешь зваться.
По уму в своей стране ты будешь знаться.
Ну а с глупым человеком поведешься,
Поглупеешь сам с ним вскоре, может статься.

Будешь ты в глазах людей расти, коль скоро
В назиданиях моих найдешь опору:

Умный враг ценней приятеля дурного —
Глупый друг — источник злобы и раздора.

Девять бед из десяти влечет язык.
Распускать мудрец язык свой не привык.
Слово скверное сореемся ль с языка,
Знай: оно уж не отстанет ни на миг.

Станет разглагольствовать один за кумысом;
От речей другого — скука, тянет в сон.
Будешь рядом с пустомелей — так и знай:
День прокатится без пользы колесом.

Будет злость в словах — пойдут и руки в ход.
Злоба-враг найдет в другом себе оплот.
В драке бита голова и глаз подбит —
Так одна из десяти беда придет.

Изрекая слово, сверь его с умом.
Начинай любое дело лишь добром.
Доведет язык болтливый до беды —
Осторожен в каждом шаге будь своим.

Верь, мой друг: удел счастливый ты найдешь,
Коль сумеешь правду разглядеть и ложь.
Свой секрет и там и тут не раскрывай —
Можно этак напороться и на нож.

На три части раздели свой ум... Одну
Оглашай. Две части пусть пойдут ко дну.
Откровенность нерадивости сродни:
Не в других потом — в себе ищи вину.

Слово умного в душе его сквозит.
Слово собственное глупого разит.
Даже тот, кому ума не занимать,
От совета отказаться не спешит.

МУЖЧИНА

Мужчина тот, кто мужество храня,
Не переступит рубикона чести,
Бояться будет сплетен, как огня,
И не бояться справедливой мести.

Мужчина тот, кто цену знает сам
Словам своим, как и чужим словам;
И лишь в единомыслии найдет
Он друга, что вовек не подведет.

НЕ СТАНЕШЬ БИЕМ...

Не станешь бием оттого, что пояс твой широк.
При грязной сути невелик от омовений прок.
Когда, закрыв глаза, творишь молитвенный обряд,
Не сделает тебя святым поглаживание щек.

* * *

**Ливень к камню не пристанет, хоть стучи он без конца.
Слово умное вовеки не услышишь от глупца.
Все от бога — будет каждый тем, кем быть ему дано.
Оттого будь сам собою — с волей бога заодно.**

* * *

Не ходите к богачу с поклоном низким —
Пустит пó миру он вас и ваших близких.
Видно, так уж повелось у нас: закон
Защищает тех, кто с судьями знаком.

ПРОКЛЯТЬЕМ И МОЛЬБОЮ НЕ ПРОЙМЕШЬ

**Не примешь негодя любую мольбою.
Ты для баев — пылинка под нещадной стопою.**

**Все в уроде коряво — и внешность, и слово,
Если даже в речах его — жизни основа.**

**Бедняку во дворец нет проходу, пусть даже
Он богаче душой тех, кто златом украшен.**

**Не поймут богатеи голодных и нищих,
Но поймет их однажды глухое кладбище.**

**С равнодушным дружить бесполезно и глупо —
Он способен взирать лишь бездумно и тупо.**

**Угощай подлеца — он тебя же ославит
И потом без последней копейки оставит.**

**Сколько нож не точи — если плох он, сотрется.
Боль чужая слезою во мне отольется.**

БЛАГОЧЕСТИЕ

Далеко ускачет вряд ли утомленный аргамак.
Можно дуб осилить толстый, коль вонзять в него тесак.

Коль верблюда не покормишь, он под грузом на горбе
Будет гнуться и в дороге околеет натошак.

Коль в познаниях ты не сведущ, сам себе сперва воздай,
А потом свои познания близким людям передай.

Если должного вниманья не окажешь ты друзьям
Безразличье испытаешь от приятелей ты сам.

Оставайся добрым, если жизнь воздаст тебе сполна —
Так, достигнув полнолунья, чудно светится луна.

Зло — что нож, а разум — палка; коль тесать ее, она
Истончаться станет так же, как ущербная луна.

Если гость придет, ему ты почесть сердца окажи,
Незаслуженной обидой не ожги его души.

Знай: беда уходит с гостем и приходит благо с ним.
Заслужи его «спасибо» — словом чистым и простым.

Благодарность многих — это жизнь продленная твоя.
Не жалея добра — сторицей все вернется, знаю я!

Все деянья человека возвращаются к себе.
Совершишь дурной поступок — не взывай потом к судьбе.

Человека нет такого, чтоб не смыслил ничего,
Чтоб не видно и не слышно было б средь людей его.

Каждому — свой груз и ноша, каждому нести свое —
И беду и наказание. Так велит нам бытие.

Раз взглянув, не принижай чужую собственность, детей —
Все равны. Одних пороча, собственных не возлелей.

Бог один лишен ошибок. Без ошибок нет людей.
Из-за них мужскую гордость чью-то с ходу не убей.

Невозможно, раз взглянувши, душу смертную познать.
Только разум просвещения может истину сказать.

Но тупице не трудись вдолбить той истины урок —
Все напрасно, все впустую — не пойдет урок твой впрок.

Всяк хранить умеет тайну глубоко в душе своей.
Всяк умеет превознестъ свои дела огнем речей.

Лишь невежде невдомек секреты жизни. Потому
Совершает он всегда несообразное уму.

Тем довольствуйся, чем богом и судьбою наделен,
Не ломай пред баем шапку, не отвешивай поклон.

Знай, что признак благочестья — быть всегда самим собой,
И трудиться неустанно, и довольным быть судьбой.

ЧТО ВОСХВАЛЯТЬ?

Что в том жеребце восхвалять? —
Ведь он на байге не скакал.
В верблюде том что восхвалять? —
Он дальше тех гор не бывал.
Что в том человеке хвалить? —
Хорошего в нем ни на грош.
Что мир этот бренный хвалить? —
В нем только страданье и ложь.
В судье этом что восхвалять? —
Он песню послушную пел.
В джигите том что восхвалять? —
Враг злобный страной овладел.
Что женщину эту хвалить? —
В ней только бренчанье монет.
Что рослое чадо хвалить? —
Забыт им отцовский завет.
Что девушку ту восхвалять? —
Вся в сплетнях, на зависть иным.
В мулле этом что восхвалять? —
И мертвым он врал, и живым.

О КАК ПЕЧАЛЬНО...

Единства нет в родной земле уж с давних пор.
Какой народ перенесет такой позор!
А был ли среди нас такой мыслитель,
Чтоб он к единству обратил народа взор?

Нет! Среди нас с далеких пор одни слепцы:
Достойной цели мы не видим, гордецы.
Как муха слепо кружит над болячкой,
Так лишены мы озарения, глупцы.

Какая польза от стрелы, когда она
Крива, слаба и для полета не годна?
И потрясешь ли душу мунажатом *,
Коль в нем душа, как ты ни слушай, не слышна?

Коль боли нет, как ты ни плачь, ты не поэт.
У вдохновенья без призыва смысла нет.
О как печально, если совесть не займется,
Когда кресало выбьет в сердце боли свет!

* М у н а ж а т — жанр устно-поэтического творчества.

АКМУЛЛА, ПОЗНАЙ СЕБЯ

О Акмулла, познай себя! Каков ты сам?
Примерь ты суть свою сперва к своим словам.
Ты о единстве говорил — единства нет.
Позор тебе, о Акмулла, и стыд и срам.
Что делать мне? Забыл любовь, рассеян стал,
А ведь за жизнь сто тысяч книг перелистал,
Не льстил, не лгал, и вот итог — остался я
В пути без спутников. О том ли я мечтал?..
Искусан вшами до крови, скитался я,
Но что мне были вши!? Правдив остался я.
Лишений тьму перенеся, не каюсь я.
Лишь книжной мудростью одной питался я.
Кто знает в жизни ремесло — не пропадет,
Никто в безделии себя не обретет.
Багдад и Халеб не нужны, чтоб мудрым стать,
Красавец бык и в Бухаре ум не найдет.
Когда один шербет любви — напиток твой,
Мед превратится скоро в яд — закон такой.
У долгих сладостных речей успеха нет —
Заложит уши на пиру их звук пустой.
Все мы на вечную вражду обречены,
Аллах, как эту кару мы назвать должны?!
И гибнет втуне, без следа любой порыв —
К тому слеза моя и боль обращены.
От горя вашего я сам горю в огне,
Всю месть я в плаче расплескал, о горе мне!
Мой ум в смятении, я пуст, я — диванá,
А был — тулпар, что проскакал по всей стране.

СЧАСТЬЕ

Прежде чем время хулить,
Взглянуть на себя надо, братья.
Во всем совершенство добыть —
Нет лучшего в мире занятия.

Вовсю свою лошадь хуля,
Отыщешь ли ты аргамака?
И сокола в небе хваля,
О ястребе помни, однако.

Ручей понося питьевой,
Подумай: а если колодца
Ты вдруг не отыщешь с водой,
То пить-то из лужи придется!

Правителя громко кляня,
Его справедливость припомни.
Вчерашних хозяев браня,
Голодных припомни, бездомных.

Ругая избранницу, ты
С любовью обходишься глупо.
Нас греют зимой не мечты,
А мех и овчина тулупа.

Великим себя возомнив,
Найдешь ли ты ровню на свете?
Всех близких подряд разбравив,
Пример подаешь какой детям?

Синицу увидев, орлом
Представить ее ты не пробуй.
К родным обращайся с добром —
Родня не на день, а до гроба.
Речистые перлы врагов
Пусть головы не закружат.
Пусть лезть их отравленных слов
В твою не впитается душу.

У тех, кому счастье дано,
Пойдет все на лад, потому что
Добру их усердие служит —
И быть им в чести суждено.
Борзые их словят лису,
И ястреб гуся им добудет.
В торговле найдут — не в лесу —
То благо, что надобно людям.
Их слово любое — в строку,
Их каждое слово — на пользу.
Написано им на веку
Добро источать, а не слезы.

Довольный, что сел на коня,
Отстать опасайся от прочих.
Забвенья страшись, как огня,
Как волка буранною ночью.
И попусту с другом своим
Не ссорься, себе же на горе.

И мнимой победой над ним
Не хвастай с довольством во взоре.

Знай: в мире ты этом — лишь гость;
И если обрел ты богатство,
Будь скромн с другими и прост,
Согласно всемирному братству.

Коль счастье однажды уйдет,
Метаться начнешь, опарашен.
Из яблонь твоих или пашен
Достойный не вызреет плод.
В торговлю ударишься — но
И там непременно споткнешься.
Коль богом тебе не дано,
Вовек ничего не добьешься.

Болезни собьют тебя с ног,
И сделает горе калекой.
Знать, жизнь обуздать ты не смог
И счастья лишился навеки.

Задумавши рыбу ловить,
Не то что сома — и плотвичку
Не выудишь... Где твоя прыть?
Дарящие счастье привычки?..
Лишь так ты сумеешь понять,
Что значит несча́сливым стать.

Когда лицемерия нет,
Ученость твоя глубже моря,
И благоразумия свет
Прольется на вольном просторе.
Тот щедр к беднякам, кто умен:
Ни зависти нет в нем, ни лени.
Добром — не угрозами — он
Добудет признанья и денег.
Такой да не будет лишен
Вниманья всевышнего. Если ж
Коварные мысли в полон
Его заберут, или спесью
Исполнится, коль не уймет
Своих ненасытных желаний,
Презренье и ненависть тот
Себе обретет в наказанье.

Отсутствует совесть у тех,
Кто веру в святое поносит.
И те берут на́ душу грех,
Кто правду и праведность косят.

Черта справедливости в том,
Кто нос не воротит от люда,
На зло отвечает добром,
Провидя житейское чудо.
Дурного и слабого знак —
Смятенье и страх перед силой.

Преступно стоять, если враг
Бесчестит родимых и милых.
Здоровье — знак счастья. Коль нет
Ни слабости в теле, ни хвори,
Живое — есть жизни рассвет,
Блаженства глубокое море.
Закат неизбежен. И свет
Погаснет. И смерть тебя скосит.
Коль доброго имени нет
При жизни — не будет и после.

НУРЖАНУ

(поучения)

Нуржан! Послушай-ка меня: промолвил — продолжай.

Ведь только девица глупа — гони иль провожай.

Ведь говорят, что видит тот,

Кто смотрит наперед,

Достигнет цели только тот, кто к ней стремится, знай!

Так знай, что друг всегда хорош — запомни эту речь —

И знай: от подлости врага себя не уберечь.

Корову накрывать ковром? —

Да грянет в небе гром!..

Из лыка изготвь ремень — себя не изувечь!..

Сколь ты корову ни дои, кобылой ей не стать,

Ишак, нагружен, как верблюд, верблюду не под стать.

Джигит! Злой друг — он тот же зверь!

Секрета не доверь:

Не волен голове своей, готов он вмиг предать.

Мышь, даже пусть она мертва, для нас желанней льва,

Нам лучше враг, чем гнусный друг — иль не права молва?

Дурному в руки дай алмаз —

Он станет тот же час

Еще дурнее — суть его от века такова.

Кобыле чахлой не дано тулпара породить,

Птенцу совы, скажите вы, шункаром разве быть?

Шункар, луною освещен,
Подхватит гуся он,
Он, чуждый норову ворон, не станет падаль бить.

.

Когда по брату своему скучаешь, одинок, —
Чужого в спутники себе берешь среди дорог,
От этой глупости твоей
Врагу еще смешней,
Он скажет: глупость обороть еще никто не мог.

Дитя похожим на отца становится тогда,
Когда наследует плоды отцовского труда.
Когда крива твоя нога —
То радость для врага,
И не заметит только друг увечья никогда.

Лишь благородством дóрог нам прекрасный бриллиант.
Миллионы стоит голова, коль в голове талант.
Нуржан! Мы честности верны,
И в этом мы равны.
Пусть станет твой прекрасный род прекрасней во сто крат.

ЖЕЛАНИЕ

Почтенный друг мой что-то стал умен:
Был глуповат — вдруг стал лукавить он.
Не приведи быть ссоре меж друзьями,
Когда один средь них хамелеон.

Кто станет знаться с тем, кто раздражен
На близкого? Какой же здесь резон?
Как я хотел бы, чтоб союз мой с другом
Разлукой-ссорой был не омрачен.

Увы, я знаю, что права молва:
Нет в этом мире дружбы естества.
Так пусть чиста хотя бы будет пища,
Чтоб не страдала болью голова.

Недаром у казахов есть слова:
Болезнь — от пищи, ссора — от родства.

ВОПРОС

Быть попранною правде и в грядущем?
Иль чем-то жизнь порадует нас лучшим —
Разбив, сметет осколки «белой кости»,
Хоть раз да улыбнется неимущим?

* * *

То, что назначено богом,
Думаешь, минет тебя;
Счастье твое из-за двери,
Думаешь, кликнет тебя?

Кроме сурового долга,
Думаешь, есть что-нибудь;
Вечное в мире застолье
Думаешь, есть где-нибудь?

Счастье и сила до срока,
Думаешь, канут для нас;
Думаешь, будет спасенье
В богом назначенный час?

Думаешь, станет булатом
Сталь без закалки огнем;
Думаешь, конь, что похищен,
Был распоследним конем?

Думаешь, в тесной могиле
Нужно богатство тебе;
Думаешь, тот, кто без чести,
Будет опорой в борьбе?

Думаешь, кто-то заметит
С болью твою нищету;

А и заметит — поможет?
Нет, обойдет за версту!

Думаешь, белую птицу
Первой стрелою собьешь;
Думаешь, друг не разлюбит,
Коль без скота ты живешь?

Думаешь, медная палка
Станет стрелою? Не верь...
Думаешь, вспомнишь калеку,
Что постучал в твою дверь?!

КАРАГЫЗУ БАРЛЫБАЮ

Друг Барлыбай, большой тебе привет!
Что ждет нас, то — всевышнего секрет,
Покуда ж правда восторжествовала
Над клеветой — причиной наших бед.
Не будь к словам моим чрезмерно строг —
Мой ум измучен, и хромает слог.
Мудрец, простив случайные ошибки,
Упущенное сыщет между строк.
Не ради красноречия пишу —
Обнять тебя, хоть мысленно, спешу,
Но и сказав, что на тебя обижен,
Я против истины не погрешу.
Мне дружеских бесед недостает,
В них слово — сахар, звуки речи — мед.
Я в горестном молчанье истомился, —
Кто это испытал, меня поймет.
У дружбы, как у птицы, два крыла,
Судьба не даром нас, мирза, свела.
В моем роду законы дружбы святы,
Не изменяет им и Акмулла.
Ты стал мне ближе брата в трудный час,
Так что ж теперь разъединяет нас?
Был Барлыбай как Барлыбай — и вот вам:
Забыл обычай, год не кажет глаз.
Нам дни несут то радость, то беду.
Я в эти дни с удачею в ладу
И жду тебя. Коль тут же не примчишься,
Имей ввиду — гореть тебе в аду!

СОВЕТ

Будь Иделью и Яиком будь,
Познавай всечасно жизни суть.
Коль с врагом столкнешься, — не в кусты
Целься, а — в его живую грудь!

Кровной мести меткая стрела
Слово справедливости рекла.
Но, узрев, раскаянье врага,
Милосердной все-таки была.

Коль к друзьям идешь, возьми с собой
Свет души, пылающий звездой;
Пожеланья добрые возьми,
Что тебе ниспосланы судьбой.

А возникнет между вами спор,
Уступи с улыбкой. Надо ль сор
Выносить из дома? Для друзей
Перебранка ставится в укор.

Дружбы ль не достоин человек,
Ты не приходи к нему вовек.
Имя Человека не марай,
Повода для сплетен не давай —
Чистым будь, как самый первый снег.

За жеребенка, что рожден слепым,
За грош слепой, что уплывет, как дым,

Не ввязывайся в драку с драчуном.
Но и пред сильными не бей челом —
Будь в гордости своей неколебим.

Вот правда жизни! Остальное — ложь.
Совет не примешь — значит пропадешь.

ЗЕМЛЯ

Земля начальной всех начал: она
Вливает силу жизни в семена.
В природе перемены бесконечны,
Изменчивость земель порождена.
Картины прежде видел ты одни,
Сейчас — другие, но былым сродни...
Меняясь, чередой идут и наши
То грустные, то радостные дни.

ВОДА

Томит ли зной, стоят ли холода, —
Всегда манит к себе людей вода —
И вешним буйством, и осенней рябью,
И тихим плеском волн, и блеском льда.

ВЕТЕР

Крылом упругим ветер оземь бьет,
То дождь нагонит, то снега взовьет,
То грянет ураганом, то утихнет...
Должно быть, ветер тоже устает.

ОГОНЬ

Светло и ночью у огня, как днем,
Все, что растет, дотла сгорает в нем,
Но, все спалив, и сам он исчезает —
Огонь самим же гасится огнем.

ГОЛУБИЗНА

Сдали стужи, отступили холода.
Вылезай из нор, кто жив, — прошла беда!
Дождались опять весны-голубизны,
И земля, глядите, снова молода!
Снег растаял, как от пламени — свеча,
Наутек пустился, что-то лопоча.
Смотрит солнце, усмехаясь, с высоты,
И тропинка под ногами горяча.
Налились теплом весенним небеса,
У девчонок шустрых — птичьи голоса,
Блеют овцы, кони ржут, кричит верблюд,
Теребят мальчишки радостного пса.
Ожил в радости народ полуживой,
Степь зеленой покрывается травой,
А земля парит и словно говорит:
«Как прекрасен, небо, лик твой голубой!»
Родники журчаньем душу веселят,
Взгляду мил земли пленительный наряд,
На ковер зеленый боязно ступить —
Так он чист, неописуемо богат.

ВЕСНА

Уступили стужи место теплым дням,
Утки, гуси прилетели снова к нам,
Вышла живность на зеленую траву,
Всюду — радость, оживленье, шум и гам.
Как щедра весна! На весь простор земной
Настелила бархат с дымчатой каймой.
Отощавший скот пасется на лугах,
Отъедаясь, не торопится домой.
Серебро озер кольшется, манит,
Птичье царство без умолку гомонит,
Плавню лилии танцуют на волнах,
Юный ветер ароматами пьянит.
Речка звонкая под сенью камыша,
Словно девушка в монастах, хороша.
Даже скучный воробьиный «чик-чирик»
Умилителен, как лепет малыша.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Постыдно жить невеждою убогим,
Уподобив себя четвероногим.
Как сад весной, джигит преобразится,
Коль к свету знаний страстно устремится.
Развеял сны природы звон капли,
Пришла весна, и соловьи запели,
И словно бы зовет нас сад цветущий
Из мрака к свету, к жизни новой, лучшей.
Наряжен мир, водой омытый талой,
Нет ни души в нем сонной или вялой.
Бегут, резвясь, детишки к лесу, к речке —
Наскучило бесштанном жаться к печке,
А следом за ватагой голопятой
С веселым ржаньем скачут жеребята...
Земля справляет праздник пробужденья,
И все ликует, все пришло в движение,
И взору даль открыта, будто кто-то
Перед тобою распахнул ворота:
Иди в просторный мир, в науку, в гору,
Удача ждет тебя в такую пору!

КОЛЬ ПОВЕЗЛО ТЕБЕ С ЖЕНОЙ...

Коль повезло тебе с женой, ты награжден судьбой.
И в радости она с тобой, и в горести любой.
Она с бесстрашьем мотылька, что у свечи кружит,
Влетит в огонь и для тебя пожертвует собой.

СКОРОГОВОРКИ

Лучше звезд на небосводе
Ясноликая луна.
Лучше помесной коняги
Резвый отпрыск скакуна.
Лучше голых гор долина,
Коль долина зелена.
Человек без чина лучше
Чиновника-болтуна.
Для толпы зарежь верблюда —
Не насытится она, —
Лучше свадебный барашек
И веселье дотемна.
Пусть неброскою невеста
Красотой наделена, —
У красотки много спеси,
Лучше — скромная жена.

КОГДА В РАЗЛУКЕ МИЛАЯ...

Когда в разлуке милая томится,
Куда б ни шел ты, к ней душа стремится.
Когда жена умна, добра, любима,
И райским девам с нею не сравниться.
Недаром о любви слагают сказки,
Ты беден, коль не знаешь женской ласки,
И одинок, как потерявший близких, —
Не для тебя сияют в мире краски.
Но жемчуга любви предстанут сором,
Коль нет ума за томным женским взором.
С дурной женой и умный поглупеет,
А глупость ходит об руку с позором.
Жена и конь должны под стать гранилу
Гранить мужскую честь, отвагу, силу,
А коль жена и лошадь никудышны,
Мужчине впору лечь живьем в могилу.
Все вкривь и вкось идет у несчастливца,
Ему желанных целей не добиться.
У невезучего, как говорится,
Загрызть верблюда может и лисица.
Чтоб в море жизни избежать крушенья,
Не торопясь обдумывай решенья.
Лишь прозорливый в выборе мужчина
Всеобщего достоин уваженья.
Всему на свете есть свои причины:
Седеют люди рано от кручины,
За неудачей терпит неудачу
Страна, где незадачливы мужчины.

НЕ ЗАБЫВАЙ...

Хоть ты на золоте сиди, как Карун-бай *,
Иль, как Хатам **, свои богатства раздавай,
Хоть Ерэнсе *** сумей в остротах превзойти
Иль, как великий Алишер, умом свети, —
Ничто от смерти не спасет. Не забывай,
Что и тебя могила ждет в конце пути.

* К а р у н — библейский Корей, богач, чье имя стало символом жадности.

** Х а т а м (Хатам-тай) — богач из арабского племени тай, олицетворяет в восточной литературе щедрость.

*** Е р э н с е — легендарный башкирский поэт-импровизатор.

К УЧЕНЫМ-СОВРЕМЕННОКАМ

I

Судьба раба: не быть ему здоровым,
Пока всего добра не изведет.
Привычки? То унижить, то охаять,
Без этого он места не найдет.

Вот раб другой: едва забрезжит счастье, —
Не знает меры в вождельнях он:
Как фараон, он будет возвышаться
И в небо все возьмет, как фараон.

Когда надменность третьего ослепит,
То этот третий — тоже фараон:
Лишенный от природы дарованья,
Бездарными других считает он.

У них в поступках — скромности ни грамма,
Они полны и злобы, и вражды,
Их ремесло — придирка и насмешка,
Зато труды для них совсем чужды.

К ученью — глухи, к знанью — без почтенья,
И ведают, что дурно — не сойдут
С своей кичливой и сленой дороги,
Надменность рассыпая там и тут.

Вот раб — за кузнеца его ты примешь:
Мехами пышет, бронзою звенит,

Но лишь коснешься — черным маслом-дегтем
Тебя измажет — и не обелит.

Ты поскользнулся невзначай, ушибся —
И по тебе пройдут они как раз
И срам твой не прикроют от позора,
Наоборот — раскроют напоказ.

II

Муллой зовем мы всех, кто нам солжет.
Правдивых мулл найти — найдите силы!..
Подумай сам: когда в миру добро
Обыденным на этом свете было?

Мулла — обманщик. Знай, что он всегда
За блага жизни верой поступался.
Он к этим благам протянул крючки —
Скупые и пронырливые пальцы.

Ученость — это не духовный сан:
Не пыжится и глазу не приметна.
Осиль гордыню, полюби ее —
И счастье ты познаешь непременно.

Пустой порыв и зло нас тянут вниз.
Шайтан, и тот, найми, но так не сможет.

Наука лишь правдивостью сильна —
Так баурсак в меду всегда дороже.

Ах, как бы, братья, было хорошо,
Когда бы мы плоды наук вкусили,

Когда б тасфир * и хадису ** прочтя,
К науке бы науку прирастили.

Молитвы мулл на пользу не пойдут,
Когда не драть псу-вождельню уши.

Мы только в своих помыслах чисты,
А что творят в нас каверзные души!..

Коль поглядеть — о как же мы важны,
Когда саллю *** умело намотаем.

А ведь не чтим, читая, стих-аят ****,
Однако страшный суд не забываем.

Ну а пока что души не болят,
Раскаянье потом придет, мы знаем.

* Т а с ф и р — комментарий к Корану.

** Х а д и с — рассказ, предание.

*** С а л л я — салма, чалма.

**** А я т — стих из Корана.

Для паствы-черни пусть твоя салья
И конь, и сани — все роскошно будет,
Пусть твое брюхо видит весь народ,
Он темен, подл, его-то не убудет.

А гордецов ты должен приручить,
И жрать у бая или волостного.
Не знаешь, как молитву сотворить —
Хватай ума того или иного.

Ты о природе разглагольствуй вслух
И помни о своих силках-капканах.
Но если так, придется в прах разбить
Ученья светоч — поздно или рано.

...Да, наши чрева, словно у коров,
А языки — как пламя преисподней.
Как индюки, беснуемся на всех.
На что мы годны? Ни на что не годны.

Нет аксакалов, что сдержать смогли б
Нас, зло творящих в мире настоящем.
Мы головы людей забили тьмой
И сами стали для людей несчастьем.

Все беды накликает наш язык,
Ему чалма дает на это волю.
Давайте в спины втянем животы,
Проникнемся одною общей болью.

III

Труд просвещать — всегда бесплодный труд,
Когда учитель ничего не знает,
Когда учения небесный луч
В невежестве его бесследно тает.

Не тот учен, кто научился лгать,
Охаивать и унижать другого;
Кто сам лишен постыдного греха,
Тот не обронит бешеного слова.

Ученый тот, кто платы не берет,
Кто веры не продал богатым нищим.
Ученый и правитель — что пастух:
Недоглядел — питайся кнутовищем.

Учености плоды пока, увы,
Достойны ветра, что ревет без толка.
Отвергнув уважение к себе,
Грыземся мы друг с другом, словно волки.

Ни в чем мы совершенства не найдем
И в злобе рвем разгневанные глотки.
От эгоизма, что с пути нас свел,
Давно уже крива у нас походка.

Мы нравственность забыли и завет,
Лишь оскорбив соперника — спокойны.

От злых деяний — в ужасе земля,
И небом наши пажити не вспóены.
У нас богатый возведен в почет,
А странник иль калека — недостойны.

Ученый! Будь фанатиком наук,
Отдай шакирду* знание в должной мере.
Родной язык поможет пусть тебе —
Тогда взаимность будет и доверье.

Пусть беден будешь ты, но не труслив,
О бедняке подумай ты сначала.
Кому мои слова не по душе,
Пусть лопнет он. Не жаль его нимало.

Пожалуй, нет еще в моей земле
Не выжженного ложью человека.
Он, задыхаясь, треснет, как стекло,
Но правды не сказать ему вовеки.

Вот почему я, старый Акмулла,
Твержу о чести, правде и законе.
Я словно пес, зализываю шрам,
Я как сорока с голосом вороньим.

* Ш а к и р д — учащийся медресе.

И все же я не обрету покой,
Покуда добродетели — скрываться,
Пока не новым платьем человек,
А благонравьем будет красоваться!

Властители, чье слово есть закон!
Вы речь мою примите во вниманье.
Хазреты ваши хлеб едят и плов —
Так выбейте из них вы пониманье!

Мои ж слова едва ль имеют вес,
Но я не тот, кому — скажу меж нами —
Свободный соловьиный их язык
Был отсечен могучими деньгами.

Нет проку от намаза * твоего,
Что сотворишь:
Уже мешок довольства твоего
Прогрызла мышь...

* Н а м а з — молитва мусульманина.

* * *

Не кланяйся скупцу, решив: богат!
Душою он бедней тебя стократ.
Кому придет на ум свинью погладить?
Скупец — презренной твари кровный брат.

* * *

Коль твой успех другому не в урон,
Не возражу — хоть взгромоздись на трон,
Но сыну прививай любовь к наукам,
И большего, чем ты, достигнет он.

* * *

Мужчине не к лицу внимать тому,
Кто хочет сплетней угодить ему.
С дурным сойдешься — дури наберешься,
Умнее станешь с равным по уму.

ОДА В ЧЕСТЬ ШИГАБУТДИНА МАРДЖАНИ

I

Как алмаз, ученый муж сверкнул в Казани,
Бросил вызов он врагам на поле брани.
Все оружие его — строй мудрых мыслей,
Что горят, как бриллиантовые грани.

Накликал себе завистников повсюду,
Средь которых вызвал злобу, гнев и смуту.
Марджани зовут ахуна, Шигаб́утдин, —
Чтоб вместить восторг и радость — нет сосуда.

Запалил он в темноте светильник ясный,
В тлеющий костер подлил живого масла,
Путь священный проторил к ручью здоровья,
Чтоб людское тело в хвори не угасло.

Проницательный ум дал ему всевышний,
Сердце, нежностью струящееся к ближним.
Там, где влагу не нашли землепроходцы,
Добыл он ее, любовью к людям движим.

Как скучают в зной полуденный по чаю,
Так душой по справедливости тоскуют.
Он возник — и молоком вода простая
Обернулась, труд волшебника венчая.

Правдолюбец, был он к истине причастен —
Той, что свет струит в глаза нам, а не з́астиг

И, когда он на майдане появился,
Даже сильные вдруг сникли в одночасье.

Грех — мешать ему.
Перечить — преступленье.
Поклоняться надо мужу, без сомненья.

Он — единственный, не знавший поражения
На майдане духа, разума сражений.
Скольким честь и жизнь загубленную спас он,
Подсказав беднякам верное решение.

Он — ученый дерзких дум и мыслей высших,
На века свой черствый век опередивший.
Не найдя единомышленников в жизни,
Сердце сжег,
Его пред миром обнаживши.

Слово каждое его — как довод ясный,
Что изложен на листе бумаги страстно.
Ему равный в этом мире не рождался:
В образованности гений он всевластный.

Подражать ему уже никто не может
И никто не пресечет наветом ложным.
Кто способен заслонить сиянье правды? —
Вот и злобою исходит враг до дрожи.

Ах ты, жалость! Повстречаться с ним не смог я,
Лишь успел коснуться дум его высоких,
Лишь слежу, как во все стороны стекают
Его знаний несравненных водостоки.

II

Диванá я, и безумен, и доверчив.
Рад, коль истины поборника вдруг встречу;
И, узрев в том муже Истины обличье,
Я возрадовался сразу бесконечно.

Я — как волк худой, что рыщет дни и ночи,
Лис и зайцев догоняя что есть мочи:
Упускаю то одно я, то другое —
Вот и шастаю, и путь мой все короче.

По колодцу — воду черпаю сырую.
По охоте соответственно пирую.
До Ирбита ль мне, до Марьиного ль рынка? —
По базару — мой замах, я там торгую.

Я — из тех, кому отказано в удаче,
Не из признанных. По мне веревка плачет.
Собирал я с детства рукопись... И что же? —
Там полно дерьма! Ошибок же — тем паче.

Где в ту пору книгу выудить, как ныне?
Я от жажды изнывал, как куст полыни.

Если кто-то книгу нес, я вожделенно
Провожал счастливца, плача от гордыни.

Я при мачехе остался сиротою.
Слишком рано породнился я с нуждою.
Рвань штанов на мне и грязная рубаха —
Так мне было суждено, видать, судьбою.

До наук ли было мне при жизни этой?
Прокормить бы лишь себя зимой и летом.
Но умел я различать мэргэнов мысли,
Коль встречал таких... И счастьем было это!

Чем живу? — Зимой в домах даю уроки.
В час безделья погружаюсь в чьи-то строки.
Двери знаний и пред нами открывались —
Понимаем кое-что в мирской мороке.

III

Не считайте, что не видел «Жеруду» *я,
Что ту книгу не читал я, негодуя.
Знайте, есть еще джигиты в этом мире,
Что из лука попадают в цель любую!

* «Жеруда» — книга, написанная врагами Ш. Марджани и направленная против его произведения «Назурэ». Обозначает понятие — раздевающий, оголяющий, позорящий и т. п.

Если меткую стрелу дал бог мэргэну
И вдобавок — тонкий вкус и ум отменный,
Кто в пути ему препятствовать способен? —
Знай: он будет на виду у всей вселенной.

Я, друзья, своих изъянов не скрываю,
И тем самым жизнью собственной играю.
Мы пред вами — черви. Вы же — Соломоны *.
Но Коран не хуже вашего мы знаем.

Помним мы, что из ученого вы стана.
Но кичиться бы вам этим не пристало.
Пусть пешком — мы все же следуем за вами,
Хоть хулите Акмуллу вы непрестанно.

В слове сказанном мужчина познается —
Но сказать его не каждому дается!
Надлежащее найти определение
Не ко всяким подлежащим удастся.

Коль кому дано дойти до сути истин,
Отнеситесь к Правдолюбцу без корысти.
Имена таких останутся в потомках —
Правдолюбцы высекают в сердце искры.

* Тут Акмулла ведет иронически-саркастический разговор с приверженцами «Жеруды».

Счастье каждому дано его судьбою.
На счастливых клеветать бесчестно вдвое.
Если хвастать — то умом. А чтоб уколы
Наносить другим, не надо быть муллою.

Ведь бездельникам до честности нет дела.
Ну, а честных глушит бедность без предела.
Так и стинет бедный малый в унижение,
Будь он трижды и талантливый, и смелый.

IV

Слово молвится со смыслом у поэтов.
Иногда то слово блещет дивным светом.
Иногда иносказательным бывает:
Если вмочь, верните той же им монетой.

Волшебство, коль книга полнится стихами.
Совершенны ль те стихи, судите сами:
Кто посмеет запереть такое чудо,
Коль оно необходимо нам же с вами?

Миром властвует поэт, коль сдержан в страсти.
Если нет, — его мы чарам неподвластны.
Лишь гармония — стихия совершенства,
Все пути иные — бренны и опасны.

Тот, кто истинный поэт, — своей дорогой
В жизни следует от века, слава богу.
Был таким Ибне Мали́к. Другим в науку
Подчинил всех поэтическому слогу.

Коль поэт житейским опытом увенчан,
То стихи его и учат нас, и лечат,
Вызывают в нас то слезы очищенья,
То в невзгоду распрямляют наши плечи.

Ах, мужи какие в мире этом жили,
И ушли, оставив небыли и были
О себе... Но выше молви — их творенья,
Сохранившиеся в подлинной их силе.

Мы живем, смеясь и плача, в мире этом,
Мглой клубимся ли, струимся ли рассветом.
Но свести в едином слове и напеве
Суждено причуды наши лишь поэтам.

Говорю: ушли во прах мужи какие!
Род их славный поведут ученики их.
Так Пророк взял пламя разума у бога,
И потом зажгло оно умы людские.

Завершим наш разговор на этом месте.
Слава богу, удостоил Он нас чести

Быть причастными к деянию таланта,
О котором мы слагаем наши песни.

V

Книга есть одна... Но кто ее создатель?
Словно кость, ее он кинул нам: мол, нате!
«Тáурих эль Болгар» зовется. В ней ошибок
Много больше, чем добра и благодати.

Беззастенчиво в ней автор замахнулся
На «Назуру»... Хоть бы в ад скорей взметнулся!
До небес вознес, глупец, свою персону —
Ведь таким своя же тупость — не обуза.

Обращаюсь к вам, друзья, с приветом: знайте:
Марджани — Тимерказык! * Ему воздайте!
Он светить во мгле вам будет с поднебесий,
От свсей даяя вам горсти благодати.

Не трудись, старатель, золото желая
Раздобыть там, где и меди не бывает.
А лисою возомнишь себя, то помни:
Я — тот пес, что тварь любую догоняет.

* Т и м е р к а з ы к — буквально: Железный кол. Означает Большую Медведицу.

Чтоб об этом известить, привет вам шлю я.
Ваш азан* сюда доносят ветра струи.
Ах, мужей достойных втуне не держите —
Пусть Казань им только почести дарует!

Непорядочны поступки ваши эти,
Представляющие Мудрость в худшем свете.
Или думаете, слéпы все, и нету
Ни суда на вас, ни правды на планете?

Господа, не устаю вам удивляться:
Неужели так уж трудно разобраться,
Что вы небо заслоняете, как туча,
Что не вам «мужами мира» называться?

Вам бы избранным воздать сполна по чести:
Мало соколов средь птиц, но много спеси.
Ах, как много мне хотелось бы сказать вам,
Но не скажешь, хоть ты лопни, хоть ты тресни!

Как порочны ваши мысли и деянья!
Ради денег вы готовы на закланье
Даже душу принести... Пусть муллы льстят вам —
Есть другие, что осудят их старанья.

* Азан — призыв на утреннюю молитву.

Вам зацепку лишь — найдете обвиненье.
Вам лишь повод — будет втопан в грязь и гений.
Сотни сплетен разнесете, сотни кличек
Понацепите на жертву, без сомненья.

Но глаза его, как молнии, ожгут вас;
Словно змеи, вы завьетесь в вихре жутком.
Только выше и хулы, и сплетен гнусных —
Разум гения, замечу вам попутно.

Вы, науку справедливости шельмуя,
Своего даете ль что-то?.. Не впустую ль
Ваша прыть в борьбе с величием озаренья?
Вам родить хотя бы мысль одну живую!

Но зато вы мастера живой интриги.
Что вам совесть! — тут она подобна фиге.
В схватке той любой из вас подобен зверю,
Только б отломить ломоть от всей ковриги.

В людях мне самодовольство ненавистно.
К черствости оно склоняет и капризам.
От того, что Марджани раскрыл нам правду,
Ваша ненависть над ним теперь нависла.

А ведь гения признав, не околеешь,
Ум другого испытав, не поглупеешь.

Ему равных не найти на белом свете.
И напрасно кто-то в равные с ним метит.
Стоит выйти на майдан, и представление
Будет всяк иметь о муже и поэте.

Убеждались в том лихие инженеры,
Звездочеты, мастера и землемеры.
Даже троицкие чудо-мударрисы
Отнесли к его открыткам с полной
верой.

А они-то уж не хуже вас познали
Всю безбрежность фолиантов в книжном
зале —

Эти соколы ума, что бьют в полете
Белых кречетов речений и познаний.

Высший спрос родит на свет авторитеты.
Он растет, тот спрос, и с этим сладу нету.
Дал оценку Ризаитдин * досточтимый
В «Игтибаре» — честь, хвала ему за это!

Марджани обрел недаром свою славу.
До Казани добралась она по праву.

* Ризаитдин Фахретдинов — известный башкирский просветитель XIX века, философ, историк, писатель, эссеист, издатель.

Дамелла Бурханетдин * всю цену понял
Его книгам, в них узрев святую правду.

Вслед за ним признали гения другие —
Имена не перечислить их благие.
Дамелле ж мы пальму первенства вручаем —
Первым он изрек слова те золотые.
И пошла бродить та слава: в Хиндустане
И Стамбуле издавать ту книгу стали.
Что, завистники надменные?.. Неужто
Вы соперничать с той славой не устали?

Язва зависти приводит к фанатизму.
Не взирайте сквозь его кривую призму.
Тот слепец, что в свет луны влюблен, вовеки
Не поймет дневного света в этой жизни.

Без луны и ночь бесцветна. Звезд мерцанье
Не испугнет ее слепящего дыханья.
Не хвались своим мужским происхождением —
Счастье в том, чтоб источать душой сиянье.

Сколько он растормошил от спячки долгой,
Их беспечность разметал, как пыль —
метелкой.

Справедливости и мужества поборник,
Бил не только словом мудрым, но и колким.

* Дамелла — духовный сан ученого. Имен, подобных Бурханетдину, будет названо в «Оде» множество.

Его книги ум и сердце пробудили,
Различать добро и подлость научили.
Я — байгуш, я — муравей, в пути нашедший
Сладкий мед, в его хмельной и жгучей силе.

«Назуру́» заполучил в пятнадцать лет я,
И читал, не отрываясь, до рассвета.
В ней впервые на заветные вопросы
Получил я достоверные ответы.

А хулители тогда уж разъяренно
Понесли ночью книгу ту и денно.
Черный люд, внимая муллам, был по-волчьи,
Правдоборца языком браня суконным.

Отчего у нас порядочность хромает?
Нет ума, зато во рту язык порхает.
Тот не в силах написать письмо простое,
Но как ловко прочих грязью поливает!

Этот слово слить со словом не способен,
Но зато ученых кроет с дикой злобой.
Грамотей иной, тем пользуясь умело,
Натравляет псов на Высшую особу.

Как больной не любит пить лекарств
полезных,
Так невежде что — до наставлений честных?

Человек устроен так уж: черт в нем чаще
Верх над ангелом берет — то всем известно.

Что сказать творцу «Жеруды»?.. Будет лучше
Промолчать. Ведь криком не рассеешь тучу.
Пусть аллах благословит его в деяньях,
Коль и впрямь такой он деятель могучий.

По всему видать: он с грамотой знакомый.
Но не терпит тех, кто мыслит по-иному.
Да зато к тем слабость нежную питает,
Кто согласен по вопросу с ним любому.

Очевидцы мы того, как натянул он
Тетиву и в цель стрелу отправил с гулом.
Что ж, находит каждый цель свою и место...
Дай-то бог, чтоб жизнь его не обманула!

Дамелла Махибулла — его подобье,
Этот... тоже утопает в черной злобе.
Раньше вкривь ходил и вкось...

Теперь он ходит
В муллах праведных: видать, весьма способен.

Дамелла Рахматулла — того же круга.
Прямо светится насквозь — нет лучше друга!..
Сколько тех, что Марджани кляли при жизни,
Умерло, забрав с собой хулу и ругань.

VII

Был почтенным мудрецом своей эпохи,
Вырывавший у завистников лишь вздохи.
Столько чудных сочинений нам оставил! —
Собираем мы теперь их лишь по крохам.

Всяк сокровищем каким-то обладает.
Но имеется тут разница большая:
То, что есть в одних,
 в других не обнаружишь —
Этот — нужное, тот — лишнее сбывает.

Но однако Марджани таким не пара.
В нем есть все!

Лишь для продажи нет товара.
Жемчуг мысли ослепительно сверкает,
Словно звездочка на лбу его тулпара.

Дело каждое его сродни ученью.
Слово каждое исполнено значенья.
В них нашли ответ все страждущие мира,
А слепые обрели живое зренья.

Обрели здоровье хворые. Окрепили
Их суставы рук и ног, как будто стебли
У растений, опаленных жарким солнцем...
Коль еще не знаешь книг его, — не медли!

Его имя на страницах книг лучится,
Словно солнце, словно дивная жар-птица.
Каждый довод его, будто корень дуба, —
Так глубок, что век ему не развалиться.

Оттого дела противников и плохи,
Оттого и раздаются «ахи-охи»,
И мечи тупятся у лихих батыров,
Замахнувшихся на гениев эпохи!

По причине неприятя совершенства
Марджани был избран ими той мишенью,
По которой бил и бездарь, и невежда,
И завистник, что способен лишь на мщенье.

VIII

Должен каждый прокипеть в казане жизни,
И любви тустак * испить на горькой тризне,
Чтобы лик свой обрести и научиться
Дорожить людским умом в своей Отчизне.

Возле сокола затем и выются близко
То стервятники, то вороны, то лисы.
Но способны пожирать они лишь падаль,
А на сокола взирать им только снизу.

Сан муллы мы осквернили одним махом,
Святость высшую вослед пустили прахом.
Разучились плакать трепетной душою...
В судный час что можем мы сказать аллаху?

Точно псы, на мужа истинного лаем,
Сплетнями застолья наши завершаем,
Опорочить иль унизить чье-то имя —
Вот занятие, коим сердце утешаем.

Сколько не хули, добро добром пребудет.
Как не мажь навозом злато, — не убудет.
Лишь от грязи слов и злобных наговоров
Остается горечь, боль и накипь в людях.

* Т у с т а к (башк.) — чаша.

Не взлетит стрела кривая и по ветру,
Не сойдет с души вовеки грязь наветов.
От того, что пес луну облает злобно,
Не лишится ни красы она, ни света.

IX

Был подобен ты светилу:
Мысль, как молния, разила,
Доблести полна и силы...
Нам расстаться суждено, ах!

Нету слов для восхваленья,
О, поборник просвещенья!
Ты не будешь знать забвенья...
Нам расстаться суждено, ах!

Написал я эту оду,
Чтобы даже через годы
Ты сверкал, как луч восхода...
Нам расстаться суждено, ах!

Сколько боли принесла нам
Смерть твоя. Но будешь славой
Ты бессмертной жив по праву...
Нам расстаться суждено, ах!

Ну, а славы той основа —
Книги гения и слово,
Что подобны неба зову...
Нам расстаться суждено, ах!

Словно разом опустела
Вся Казань. Осиротела
Жизнь, что пела и кипела...
Нам расстаться суждено, ах!

Скорбью веет в Дагестане,
И в далеком Хиндустане —
Много братьев в нашем стане...
Нам расстаться суждено, ах!

Проницателен и зорок,
И философ, и историк,
Златоуст, разящий в спорах...
Нам расстаться суждено, ах!

Тьму загадок разгадавший,
Море сведений собравший,
Необъятное объяввший,
Нам расстаться суждено, ах!

Божий дар в тебе заметен,
Зла не терпит он и сплетен,

Оттого он чист и светел...
Нам расстаться суждено, ах!

Конь мой худ, армяк дырявый.
Помоги мне, боже правый,
Чтоб могилу вечной славы
Мне в Казани посетить, ах!

Силу духа исчерпал я
В прославление идеала —
Чувств кипящих не сдержал я,
Остаюсь гол как сокол, ах!

О тебе бант сложил я,
Так прости, глаза смеживший,
Что посмел я, пес плешивый,
Имя вознести твое, ах!

ПОХВАЛА УМЕРЕННОСТИ

Раб, восставший на жестокость, сам бессмысленно жесток.
Род людской впадает в крайности — вот многих бед исток.
Коль просивший подаянья богатеem станет вдруг,
Спесь его неимоверна, рѳвни нет ему вокруг.
Меру знай во всем — и пользой твой достаток превзойдет
То, над чем трясется скряга, что бездумно тратит мот, —
Ведь, бывает, грош добудешь — и поет твоя душа
Веселей, чем у сквалыги от большого барыша.
Дармовые состоянья — что деревья без корней,
Бережливо нажитѳе служит дольше и верней.
Коль тэнгри* пошлет богатство по заслугам, по уму,
Не страшна людская зависть достоянью твоему.
Подбирай по росту шубу, по обычаю — наряд,
В красный угол не спеши, по чину — место, говорят.
Не питай надежд чрезмерных — избежишь душевных мук.
Снаряжаясь в путь-дорогу, по коню готовят вьюк.

* Тэнгри — верховный языческий бог (Солнце). Любопытно, что в восточной поэзии, несмотря на многовековое засилье ислама, сохранялся этот отголосок язычества.

Я — ДИВАНА *

Довольно, Акмулла, остановись,
Подумай о себе: проходит жизнь.
Ты ж не из тех, кто ночью заблудился —
К хорошему на свете приглядишься.
Ты сам спесив, во-первых, через край.
Бесплодны твои знания, признай.
Пред истиною устыдись однажды
И с мерзостями жизни не играй.
Твой ум расстроен гордостью вконец,
Лишен ты послушания, гордец.
Средь апельсинов ярких и душистых
Сравни себя с морковью, о слепец.
Тебя от скверн уже не отвернуть,
Желаний тьма твою стеснила грудь.
Когда бы ты сравнил себя с собакой,
Ты был бы лучше, может быть, чуть-чуть.
Своим ты вожделениям — не враг,
В повозку спеси буйвола запряг,
И тянет он престижную повозку,
Ты восседаешь сверху, как дурак.
Твоя душа — не дух, она гранит.
О сколько грязных дел она хранит.
Молебен твой душе твоей не нужен:
В загробный мир граниту путь закрыт.
Друзья мои! Я беды испытал,
От этих бед я, бедный, пьяным стал.

* Д и в а н а́ — безумец, юродивый.

Я пуст, я глуп, я глух, — я — диванá,
Что толку от меня, коль я устал!
Во мне огонь юродивый горит,
Во мне страданье, горе говорит,
Навета зло — как черная короста.
Оно рассудок мой не водворит.
Моя ущербность по письму видна,
В речах моих — сумятица одна.
Одна надежда, что меня, безумца,
Простить людская доброта должна.
С чем мне сравнить прискорбный свой удел?
Свершенных за собой не знаю дел.
Я сорок пять печальных лет истратил,
Но в жизни ничего не разглядел.
Я ничего от вас не утаил,
Я рассказал вам, как я дурно жил,
И если я сравнил себя с собакой,
Считайте, что себя я похвалил.
Послушайте, добры вы или злы —
Я все пред вами развязал узлы.
Презрением меня вы накажите,
Коль сами вы достойны похвалы.

РОДСТВО

В могуществе своем неизмеримом
Творец приставил дни цветенья к зимам,
Моря с песками свел и жизнь со смертью
В единстве утвердил неразделимом...
Жизнь коротка, джигит, как вспышка света,
Цени живущих рядом, помня это.
Коль ближних оскорбишь пренебреженьем—
Пройдут, не дав на твой привет ответа.
Опору мы в родстве и правде ищем,
Сравнима жизнь без правды с пепелищем,
А человек, отвергнутый родными,
И клад найдя, пребудет жалким нищим.
Ты не сухой сучок, ты с миром связан
И радостью родства ему обязан.
Кто близок близким, тот не знает горя,
Кто чужд, тот одиночеством наказан.
Раздор ведет нас, помни, раньше срока
К тому, к чему придем по воле рока, —
В могильных нишах будем одиноки,
Зачем и жить вдобавок одиноко?
Хоть смертный час наступит непреложно,
Отодвигай его, насколько можно,
Оберегая жизнь, подобно птице,
Птенцов крылом прикрывшей осторожно.

ВОТ СЛОВО АКМУЛЛЫ...

Вот слово Акмулы — как хочешь, так суди:
Я — ровня мертвецу, остыла страсть в груди,
Волненья улеглись, хотя поныне мир,
Раскинув свой базар, сулит мне шумный пир.
Приюта не найдя в бескрайности земли,
С казахами бреду, усталый, весь в пыли,
Несу свою печаль, томящую давно,
И не могу сказать, что дальше суждено.
В диване * Акмуллы зато чего лишь нет!
И смех, и брань найдешь, и перец, и шербет.
Правдивые слова страниц моих хранят
Для одного — бальзам, а для другого — яд.
В надежде я писал: здесь — память обо мне.
Небрежности прости, читая в тишине.
Что видеть довелось — в душе моей слилось
И, яростно вскипев, наружу прорвалось.

* Д и в а н (перс.) — сборник стихов.

* * *

Вооружись ремеслами, джигит!
В чести умелец, мастер знаменит.
Творя добро, умелый скажет слово —
Оно над всей страной прозвенит.

* * *

Не возгордись богатствами отца
И лунным блеском юного лица.
Отцовское богатство — легкий иней,
А красота твоя — лишь пух птенца.

* * *

В человеке просвещенном суть его освящена.
С книгой каждому открыты жизни смысл и глубина.
Для невежды хватит слова, дабы влезть в любую свару.
Раскрасавица тупая коротает век одна.

* * *

Не беда, хоть заблудился — лишь бы шел своим путем,
Лишь бы за свои ошибки не винил других потом.
А начнешь валить на прочих то, в чем по уши виновен,
Гнев людской тебя достанет справедливым острием.

* * *

Веди в пути беседу не спеша,
Пиши о том, к чему лежит душа.
Старайся всюду добрый след оставить,
Как на бумаге — след карандаша.

* * *

Отдашь ли дочь свою за подлеца?
Есть у него личины — нет лица.
Он на миру исполнен благочестья,
А дома замахнется на отца.

* * *

Пусть горы не дано тебе свернуть —
Не отступай, однажды выбрав путь.
Бессмертным не на том — на этом свете
Стал Афлятун *, об этом не забудь.

ЕСЛИ СОВЕСТЬ — ОВЦА...

Если совесть — овца, а желания — волк,
Справедливость — пастух, в деле знающий толк:
Пусть она со своею тяжелою палкой
Исполняет исправно пастушеский долг!

* Афлятун — Платон, древнегреческий философ.

ЧТО ОСТАНЕТСЯ?

Срубят дерево — рядом росточки останутся.
От четы сыновья или дочки останутся.
Что останется в мире от одинокого?
Конь с седлом да одежда чужому достанутся.

* * *

Поизносился мозг твой, Акмулла,
Не ладились всю жизнь твои дела,
Но кровь вскипала, ум сверкал алмазом,
И слово в цель летело, как стрела!

СОДЕРЖАНИЕ

Феномен Акмуллы (<i>предисловие Р. Шакура и Г. Шафикова</i>)	5
Башкиры мои, надо учиться! <i>Перевод М. Гафурова</i>	19
Говорят... <i>Перевод Г. Шафикова</i>	20
Послушай истины простые. <i>Перевод М. Гафурова</i>	21
Дружба. <i>Перевод Д. Даминова</i>	25
Назиданья. <i>Перевод Г. Шафикова</i>	26
Надежда. <i>Перевод Г. Шафикова</i>	33
Неизвестно. <i>Перевод М. Гафурова</i>	34
Наш мир. <i>Перевод М. Гафурова</i>	35
Письмо отцу. <i>Перевод Г. Шафикова</i>	36
Кто есть кто. <i>Перевод Д. Даминова</i>	39
Исангильде Батучу. <i>Перевод М. Гафурова</i>	41
Прощение султану Габидулле. <i>Перевод М. Гафурова</i>	43
Бикмухамету, сыну Карья. <i>Перевод М. Гафурова</i>	45
В тюрьме. <i>Перевод Д. Даминова</i>	47
Трудно друга обрести. <i>Перевод М. Гафурова</i>	64
Жестокость. <i>Перевод М. Гафурова</i>	65
Кровоточащую читаю книгу бытия. <i>Перевод Г. Шафикова</i>	66
Осень. <i>Перевод М. Гафурова</i>	67
Ночь и день. <i>Перевод Г. Шафикова</i>	68
Обращение к друзьям. <i>Перевод Г. Шафикова</i>	69
Певец. <i>Перевод Д. Даминова</i>	70
Разум. <i>Перевод Г. Шафикова</i>	78
Мужчина. <i>Перевод Г. Шафикова</i>	81
Не станешь бием... <i>Перевод М. Гафурова</i>	82

«Ливень к камню не пристанет...» Перевод Г. Шафикова	83
«Не ходите к богачу...» Перевод Г. Шафикова .	84
Проклятьем и мольбою не проймешь. Перевод Г. Шафикова	85
Благочестие. Перевод Г. Шафикова	86
Что восхвалять? Перевод Г. Шафикова	88
О как печально... Перевод Д. Даминова	89
Акмулла, познай себя. Перевод Д. Даминова .	90
Счастье. Перевод Г. Шафикова	91
Нуржану (поучения). Перевод Д. Даминова . .	96
Желание. Перевод Д. Даминова	98
Вопрос. Перевод М. Гафурова	99
«То, что назначено богом...» Перевод Д. Даминова	100
Карагызу Барлыбаю. Перевод М. Гафурова . .	102
Совет. Перевод Г. Шафикова	103
Земля. Перевод М. Гафурова	105
Вода. Перевод М. Гафурова	106
Ветер. Перевод М. Гафурова	107
Огонь. Перевод М. Гафурова	108
Голубизна. Перевод М. Гафурова	109
Весна. Перевод М. Гафурова	110
Пробуждение. Перевод М. Гафурова	111
Коль повезло тебе с женой... Перевод М. Гафурова	112
Скороговорки. Перевод М. Гафурова	113
Когда в разлуке милая. Перевод М. Гафурова .	114
Не забывай... Перевод М. Гафурова	115
К ученым-современникам. Перевод Д. Даминова .	116

«Не кланяйся скупцу...» Перевод М. Гафурова .	123
«Коль твой успех другому не в урон...» Перевод М. Гафурова	123
«Мужчине не к лицу...» Перевод М. Гафурова .	123
Ода в честь Шигабутдина Марджани. Перевод Г. Шафикова	124
Похвала умеренности. Перевод М. Гафурова . .	146
Я — диванá. Перевод Д. Даминова	147
Родство. Перевод М. Гафурова	149
Вот слово Акмуллы. Перевод М. Гафурова . .	150
«Вооружись ремеслами, джигит!» Перевод М. Га- фурова	151
«Не возгордись богатствами отца...» Перевод М. Га- фурова	151
«В человеке просвещенном...» Перевод Г. Шафи- кова	152
«Не беда, что заблудился...» Перевод Г. Шафикова	152
«В образованном старайся...» Перевод Г. Шафикова	153
«Веди в пути беседу не спеша...» Перевод М. Гафу- рова	154
«Отдашь ли дочь свою...» Перевод М. Гафурова	154
«Пусть горы не дано тебе свернуть...» Перевод М. Гафурова	155
Если совесть — овца... Перевод М. Гафурова .	155
Что останется? Перевод М. Гафурова	156
«Поизносился мозг твой, Акмулла...» Перевод М. Гафурова	156

АКМУЛЛА
МИФТАХЕТДИН
СТИХИ

Переводы с башкирского
Марселя Гафурова, Газима Шафикова
Дима Даминова

Редактор *С. Воробьев*
Художник *А. Холопов*
Художественный редактор *И. Файрушин*
Технический редактор *Н. Зарипова*
Корректоры *А. Минниханова, Л. Семенова*

ИБ № 2716

Сдано в набор 22.01.86. Подписано к печати 06.03.86. П04156.
Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура Балтика.
Печать высокая. Условн. печ. л. 5,85. Усл. кр. отт. 12,18. Учетн.
издат. л. 4,59. Тираж 10 000 экз. Заказ № 588. Цена 55 коп.

Башкирское книжное издательство. Уфа-25, ул Советская, 18. Уфим-
ский полиграфкомбинат Госкомиздата Башкирской АССР. Уфа-1,
проспект Октября, 2.